

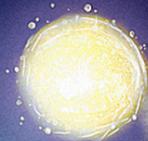
ЭЛЛЕН ОХ
ЭЛСИ ЧЭПМЕН

ТЫСЯЧА

НАЧАЛ

И

ОКОНЧАНИЙ

РОШАНИ ЧОҚШИ
РЕНЕ АХДИЕ
МЕЛИССА ДЕ ЛА КРУЗ
ДЖУЛИ КАГАВА
И ДРУГИЕ

Все новые сказки

Мелисса де ла Круз

Тысяча начал и окончаний

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-312.9 (73)

ББК 84(7Coe)-44

де ла Круз М.

Тысяча начал и окончаний / М. де ла Круз — «Издательство АСТ», 2018 — (Все новые сказки)

ISBN 978-5-17-112865-4

Несчастные влюбленные, вмешивающиеся в дела людей небожители, колоритные плуты, битвы мудрецов и страшные предзнаменования – эти элементы сказки, мифа и фольклора притягивали нас на протяжении веков. И вот теперь пятнадцать блистательных авторов с азиатскими корнями переосмыслили традиционную мифологию своих народов в чарующих, душераздирающих, романтических и страстных рассказах. Гора теряет свое сердце. Две сестры обращаются в птиц, чтобы избежать плена. Мизантроп, призванный на битву богов, познает истинное значение жертвы. Кавалер, когда-то убитый братьями матери, возвращается с того света, чтобы поухаживать за ее дочерью. Несчастные влюбленные, которым не суждено быть вместе, в последнем объятии становятся бабочками из пепла. Девушка продолжает семейную традицию, помогая неприкаянным душам мертвых обрести посмертный покой. От классической фэнтези и реализма до научной фантастики, от историй о любви до историй о мести – рассказы, собранные в этой изысканной коллекции Эллен Ох и Элси Чэпмен, очаруют читателей с первых слов.

УДК 821.111-312.9 (73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-112865-4

© де ла Круз М., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

От редакторов	7
Рошани Чокши	8
Послесловие автора	14
Алисса Вонг	15
Послесловие автора	27
Лори М. Ли	28
Послесловие автора	40
Сона Чарайпотра	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Тысяча начал и окончаний. Новое прочтение азиатских мифов и легенд

Сост. Эллиен Ох, Эллиси Чэпмен

© 2018 by Ellen Oh, Elsie Chapman

© Н. Ибрагимова, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

От редакторов

Дорогие читатели!

Для одной из нас первой книгой, которую выдал ей библиотекарь, когда она наконец-то набралась смелости и попросила порекомендовать ей что-нибудь, была «Розовая книга сказок» Эндрю Ланга. Для другой единственной книгой, похищенной из библиотеки начальной школы, была книга по мифологии. (Не то чтобы воровать книги хорошо, но теперь она наконец-то готова признаться в этом – спустя тридцать лет, когда школа закрыта навсегда, а вышеупомянутая воровка живет на другом краю света от родного города.)

Мы обе потом запоем прочитали другие мифы: древнегреческие и древнескандинавские, об Аресе и Данае, о Торе и Одине. Мы влюбились в эти мифы о том, как уязвимы могучие боги, как люди становятся героями. Они познакомили нас с мифологией, открыли нам красоту народных сказок и легенд, и поведали о том, что истории о богах и богинях – это также истории о сердцах людей.

Но мы ни разу не встретили подобных сборников, которые были бы полностью азиатскими. И очень часто, когда мы находили легенды Азии, они были пересказаны авторами не-азиатами, и что-то в них было не так. В них всегда чего-то не хватало. В лучшем случае они казались поверхностными, а в худшем – даже обидными. Нам очень хотелось нюансов и тонкости, многослойности, заложенной в мифах правды о культуре, которая – чаще всего – может прийти только изнутри.

Вот почему эта антология так важна для нас. В ней члены азиатской диаспоры заново возрождают свои любимые мифы и легенды Азии со своей собственной точки зрения. Мы бы очень обрадовались, если бы раньше обнаружили в своих любимых библиотеках такую антологию – наполненную персонажами, кожей, волосами и именами которых больше похоже на наши. Этой книги слишком долго недоставало в нашей жизни.

Прекрасные, трогательные, надрывающие душу, блестящие – не хватает слов, чтобы описать, как мы любим все эти сказки. Мы надеемся, что вы тоже их полюбите. Наша мечта сбылась, и нам удалось подарить вам эту книгу, написанную потрясающими писателями, имеющими азиатские корни.

Элси Чэпмен

Эллен Ох

Рошани Чокши Запретный плод

Не доверяйте плодам Марии Макилинг.

Если обнаружите, что ваши карманы полны колючих плодов, выбросьте их в окно. Не пробуйте их на вкус. Не гладьте кожуру и не изумляйтесь ее невероятно розовому цвету... не розовому цвету мяса или розовому цвету языка, а деликатному розовому цвету зари, вырывающейся из объятий ночи. Такой цвет не из этого мира.

Наполните карманы солью. Выверните рубашу наизнанку. Скажите Марии, что вы ничего не взяли.

Но когда пойдете прочь, прочтите молитву.

Потому что она не виновата.

Гора не может не смотреть.

Она смотрит с тех времен, когда луна была всего лишь крохотным неспелым плодом, а хранильница склонялась над своим дворцом; с тех пор, как небо еще было таким воспаленным и кроваво-красным, как новорожденный младенец.

Смертные не были красивыми, в том смысле, что у них были приятные черты лица, хотя, конечно, у некоторых лица были приятными. Но, если уж начистоту, они были красивыми потому, что их можно было видеть только мельком. Они были красивыми, благодаря своей хрупкости, они исчезали быстро, как ледяной цветок под лучами солнца. И то, что они все время менялись, делало их еще более прекрасными.

– Дайанг, – говорил ее отец, глядя вниз из облаков. – Будь осторожна, не высовывайся слишком далеко, не то твое сердце выпадет.

Хранильница горы только смеялась.

Ее сердцу ничего не грозило.

Утверждать, что твоему сердцу ничего не грозит, – это не к добру. Сердца склонны к мятежу. Как только они почувствуют себя загнанными в ловушку, они постараются разорвать путы.

Так и произошло с Марией Макилинг.

Немногие навещали ее, потому что немногие могли вскарабкаться на склоны горы. Вот так *дивата*¹ горы познала одиночество. Это было ощущение недоброжелательного пространства, внезапный холод, возникающий, когда столб солнечного света медленно ускользает прочь. Дивата гадала, что чувствуешь, когда одни и те же руки обнимают тебя каждый день и каждую ночь. Мария меняла любовников, как времена года. Такой обычай у всех диват – точно так же спелый плод не может не падать с дерева, а дождь не может не уноситься дальше.

Однажды дивата пошла к подножию своего склона и выкупалась в маленьком озере. После этого она разложила свои черные волосы сушиться на нагретом солнцем камне. Ее глаза закрылись.

Она лениво, сонно, двигала руками. Под ее ладонями из земли проклюнулся кустик анемонов и снизу прижался к пальцам. Перед мысленным взором возникло лицо человека, мальчика, с глазами, похожими на ягоды терна, которые забрел на гору несколько дней назад. Он ее не видел, но ее не это удивило. Удивило вспыхнувшее в душе разочарование. Ей захотелось, чтобы ее увидели.

Тихий треск прервал ее мысли.

¹ Так на Филиппинах называют божество или дух. Здесь «дивата» – хранильница, дух горы.

На смену покою пришла другая тишина. Это была тишина не пустоты, а *намерения*. В ней чувствовалось присутствие живого существа.

Кто-то *намеренно* остановился.

Дивата рывком села прямо.

Там, на лесной прогалине, стоял молодой мужчина, смертный. Он был одет в добротный охотничий плащ и держал в руке нож, но при виде хранительницы горы уронил его. Он опустился на колени и протянул к ней руки.

– Богиня, я умоляю тебя о прощении! – произнес юноша.

Дивата едва удержалась, чтобы не фыркнуть. Нехорошо смеяться над верой. И все же она и сама была еще молода, и не научилась владеть своим лицом. Вокруг нее ветер шелестел листьями.

Юноша поднял глаза и робко посмотрел на нее снизу вверх.

– Я не богиня, – сказала дивата.

Его брови вопросительно изогнулись.

– Разве ты не дух горы?

– Да, это я.

Она подумала о матери, о сестрах – они проводили время, рисуя звезды на небе, устраивая половодье на реках и мечтая о новых существах. Они не были похожи на нее, ведь ее обязанностью было заботиться, а не создавать. Гора ничего не имела против: она должна была находиться вблизи того, что для других было лишь далекой мечтой. Она должна была находиться возле людей.

Мужчина встал. Дивата пристально смотрела на него. Его глаза еще не привыкли щуриться от слишком ярких лучей солнца. Волосы были блестящими, цвета воронова крыла, а мускулы гладкими и сильными. Ее сердце, хотя его по-прежнему надежно защищали кости, слегка выглянуло из-за них, из любопытства.

– Тогда прости мою самонадеянность, – сказал он. – Я невольно подумал, что самая прекрасная женщина, которую я когда-либо видел, естественно, должна быть богиней.

Она оттолкнулась от камня и подошла к нему. Его глаза широко раскрылись, брови приподнялись, а губы приоткрылись от удивления. Трепет возбуждения пробежал по телу диваты. Она переплела волосы инеем, как усыпанной драгоценными камнями сеткой, чтобы подобрать черные пряди и открыть крутой изгиб шеи. Ее платье сияло, тонкое и переливающееся, сотканное из тысяч крылышек жуков и из раковин, отполированных до прозрачности. Когда она прикоснулась к нему, он вздрогнул. Ей хотелось прижаться губами к той точке на его шее, где бьется пульс, и потихоньку пить все то, что делает его человеком.

– Я тебя хочу, – просто сказала она.

Глаза человека широко раскрылись. А дивата, хоть она и не могла ни согнуться, ни сломаться, почувствовала, как ее ландшафт покрылся рябью под этим взглядом. Он был первым человеком, который ее увидел. Одно дело прятаться, быть невидимой и оставаться отдельной, и совсем другое – стоять под его взглядом.

Она потянулась к нему, и он ответил ей тем же.

Дивата любила многих и была любима ими. Но ни один из них не был человеком.

Все было иначе. Горячая кровь струилась под его кожей. В нем горело нетерпение... и дивата рассеянно подумала, не опалит ли оно ее.

Бессмертные не знают нетерпения. Им нет никакой необходимости спешить. Любовные объятия всегда медленные, как текущий мед.

Эти объятия были другими.

И дивате они очень понравились.

– Как тебя зовут? – спросила она, когда они неподвижно лежали на ложе из анемонов.

– Булан, – ответил он.

Речь еще не была вплетена в символы. Она не могла написать имя на его груди пальцем. Вместо этого она произнесла это имя, прижимаясь губами к его запястью, к впадинке за ухом, к шее.

– А тебя? – спросил он, приподнимаясь на локте. Он посмотрел на нее, и она попыталась понять, какие у него глаза. Они были темными. Сияющими. Похожими на черное стекло, которое осталось после того, как вулкан израсходовал свою ярость.

– Ты можешь называть меня Дайанг.

«Принцесса».

Булан улыбнулся.

– Подходящее имя.

Деревня беспокоилась о Булане. Когда он не вернулся с охоты до наступления темноты, поисковые отряды прочесали лес. У подножия горы Макилинг они его нашли. Он широко улыбался, держа в руках грозди фруктов и овощей.

– Должно быть, я потерял счет времени, – сказал он.

Жители деревни испытывали слишком большое облегчение и не заметили, как он грустно улыбнулся, повернув голову и бросив взгляд через плечо, будто забыл нечто драгоценное на склоне горы.

С того самого дня Булан стал проводить все меньше и меньше времени в деревне. Он не разрешал никому ходить вместе с ним в походы на гору Макилинг.

– Слишком опасно, – говорил он. Но в его голосе звучала нотка собственника.

Каждый вечер Булан возвращался с самыми нежными орехами, с ягодами, источающими сок, с плодами, которые мечтали летать, а не падать, и поэтому вытягивали свои зеленые шеи к солнцу и становились еще слаще благодаря своей мечте. Односельчане, хоть и были ему благодарны, но невольно гадали, где Булан проводит столько времени. Только гора отделяла их от других деревень – от деревень, главы которых могли бы удивиться богатству по другую сторону висящего над горой тумана, или от морских владычиц, которые могли бы задуматься, почему такие жирные рыбы обитают у прибрежных отрогов горы. Пусть деревня Булана жила мирной жизнью, но в ней не забывали об осторожности. Несколько молодых парней пытались подняться вслед за Буланом на гору, но покрывало густого тумана всегда скрывало его, и он пропадал из виду. Словно гора хранила его только для себя одной.

Однако Булан не только получал подарки.

Он и дарил тоже.

Он принес хранительнице горы перо, такое белоснежное, что оно могло соперничать с жемчужинами, и вплет его в ее волосы. Он принес раковину в виде идеальной спирали, а в ней звучало эхо мечты, похищенное у моря.

– Я чувствую себя маленьким мальчиком, – однажды со смехом признался Булан. – Я приношу тебе бесполезные, блестящие вещицы, но что еще я мог бы подарить такой, как ты?

К этому моменту прошло уже несколько месяцев. Дивата наслаждалась его обществом. Не только прикосновением его рук и его кожи, но и беседой с ним. Его мечтами. Он больше не казался ей лишь чем-то интригующим. Он совсем перестал быть для нее *вещью*. Когда он уходил, ее сердце так и стремилось вырваться из груди, словно хотело полететь вслед за ним. А когда он возвращался, от ее улыбки весь мир трепетал. Все чаще и чаще она ловила себя на том, что взглядом ищет среди листвы яркую, как драгоценность, полоску его охотничьего плаща. Она искала его, когда он отсутствовал, и тянулась к нему, когда он приходил, и таким образом дивата включилась в ритм, который сама и создала. Любовь казалась деянием богов.

Поэтому, в ответ на вопрос, что он мог бы ей подарить, с ее губ слетел прямой ответ:

– Твое сердце.

Ответом ей было молчание. Булан смотрел на нее, что-то тайно взвешивал – она видела это в его глазах, – но он ничего не сказал. Только легонько поцеловал ее.

– Я вернусь.

Дивата смотрела ему вслед. Она подумала, что он, может быть, не вернется, но на следующий день Булан снова стоял перед ней. В его руке было изящное перо, унизанное бусинками. А под мышкой он держал грубо сотканное платье из полотна и маленький узелок. У него был такой вид, будто он не спал.

Когда она подошла к нему, юноша опять распростерся на земле.

– Дайанг, – произнес он. – Мое сердце всегда принадлежало тебе. Но я бы хотел дать тебе больше этого, если позволишь. Я хочу предложить тебе мою руку, мое сердце и дом, мою скромную постель и еще более скромный кров.

Ей не приходило в голову, что Булан тоже может хотеть чего-то. И когда дивата поняла, что он отвечает на ее любовь, в ней вспыхнула великая радость.

Она надела это платье ради Булана, несмотря на то, что нитки врезались в ее кожу, деревянные сандалии натерли ей пальцы ног, а жемчужный гребень расцарапал кожу головы. Она изо всех сил старалась встроиться в эту одежду. А когда он заявил, что она «маганда» – «красавица», и бессмысленное слово превратилось в золото, благодаря алхимии его губ, она улыбнулась. Она надела его обещание на шею.

В ту ночь, когда они занимались любовью, она склонилась над ним. Ее волосы коснулись его лица. Кончик ее ожерелья из пера лег ему на грудь.

Она наклонилась так низко, что у нее выпало сердце.

А она этого даже не заметила.

Когда Булан прижал ее к себе, он заметил что-то в своей ладони. Драгоценный камень, не больше ногтя большого пальца.

– Дайанг, – произнес он.

Это слово по-прежнему означало «принцесса», но уже не казалось официальным. В нем не было важности, только привычная мягкость знакомого смысла.

– Что это? – спросил он. – Это твое?

Дивата долго смотрела на драгоценный камень.

Таким существам, как она, не нужны сердца. Они легко живут и без них. Сердце имеет значение только в том случае, если они хотят покинуть то место, к которому прикреплена их душа, и которое дает им облик. А дивата, глядя в открытое лицо Булана, не стремилась его покинуть.

– Это мое сердце, – сказала она. Она сомкнула его пальцы на драгоценном камне. – Ты станешь моим мужем, поэтому твое сердце принадлежит мне. А я буду твоей женой, и поэтому мое сердце принадлежит тебе. Храни его.

Дивата и Булан решили, что она спустится с вершины во время весеннего праздника. Тогда они смогут пожениться, и он сможет жить с ней в тайных лесах высоко над деревней, потому что она не может покинуть свой дом.

Но Булан хотел сделать свою свадьбу особенной. Он хотел, чтобы все увидели, как прекрасна и добра его жена, какое счастье для него ее присутствие. Он хотел, чтобы их праздник был грандиозным, достойным Дайанг.

Дивата провела пальцем по тревожным морщинкам в уголках его рта.

– Что тебя тревожит, любовь моя? – спросила она.

Булан покраснел.

– Ах, Дайанг, как бы я хотел устроить для тебя торжественный праздник. Достойный тебя. Но у меня нет средств.

Гора знала, что Булан никогда не примет от нее золота, но она хотела, чтобы он был счастлив, и поэтому...

Она его обманула.

– Возьми это, – сказала она, протягивая руку. – Это другой вид золота, но он решит твои проблемы, когда ты покинешь меня.

Булан улыбнулся, растроганный ее жестом. Это была всего лишь пригоршня корней имбиря, но этот корень будет вкусным в рагу, и когда юноша жевал этот корень, это придавало остроту мыслям. Он нежно поцеловал свою невесту.

– Начиная с завтрашнего дня, я всегда буду рядом с тобой, – прошептал он, кутаясь в свой яркий плащ.

Его глаза были полны надежды, и дивата отвечала ему таким же взглядом. Любовь опьяняет, и, наверное, если бы Дайанг была мудрее и ее любовь не была бы для нее внове, она проявила бы больше осторожности.

Видите ли, дух горы – одинокое существо. Ей принадлежит лишь серповидный клочок земли, та часть ее самой, которая дугой поднимается навстречу небу. Она может смотреть на тех существ, которые танцуют у ее подножия, но видит только очертания их тел. Она, например, не видит их косых взглядов, когда один из них постоянно удачлив и ловит рыбу, похожую на пухлые драгоценные камни, или приносит полные карманы фруктов, или всегда улыбается, будто он лучше всех других односельчан.

Когда Булан ушел от своей любимой, он не стянул завязки кармана с имбирем. И хотя его карман становился все тяжелее, он не обратил на это никакого внимания, потому что ему скоро предстояло жениться. Если бы он посмотрел, он бы заметил, что там уже лежит не имбирь.

А золото.

Двое мужчин из деревни его поджидали.

Сначала они почувствовали удовлетворение. Булан не был в сговоре с кем-нибудь, как они сначала подозревали. Он пришел с пустыми руками, не как обычно. Возможно, нет причины завидовать. Возможно, он действительно ходил добывать еду, и – как это бывает – на этот раз ничего не нашел. Но потом они заметили блеск золота в его заднем кармане.

– Булан! – позвали они.

Он остановился.

– Где ты взял это золото?

– Какое золото? – удивился он.

Один из мужчин подошел к нему, презрительно скривив лицо. Он сорвал с Булана мешочек с имбирем и высыпал его содержимое на землю. Прямо у них на глазах остаток имбиря превратился в золото.

– Как? – спросил один.

– Кто это дал тебе? – резко спросил другой. Булан запаниковал. Хранительница горы была его невестой. Он должен был защитить ее от жадности людей.

– Никто! – ответил он. – Никто мне ничего не давал.

Один из мужчин зажег факел. Другой вытащил короткий кинжал.

– Мы заставим тебя нам рассказать.

Булан взглянул на блеск лунного света на металле. Он понимал, что они правы. Они могут заставить его рассказать.

Но этого не произойдет, если он первым не лишит их этой возможности.

– Прости меня, Дайанг, – произнес он и протянул руку к кинжалу этого человека. – Я скорее отдам свою жизнь, чем заставлю тебя выдать себя.

После мужчины сняли с него красивый плащ и потрясли его в надежде, что оттуда выпадут золотые монеты.

Они не заметили маленький драгоценный камень – сердце диваты, и он бесшумно упал в грязь.

Они могли бы оставить одежду на теле, но ночь была холодной, а плащ был красивый. И поэтому...

Дивата надела свое свадебное платье.

У нее в волосах были цветы. Жемчуг на запястьях и щиколотках. Деревья переплели пряди тумана, а тучи светлячков тихо парили, так что ее мир состоял только из сверкающих огоньков и прозрачных сновидений.

Луч солнца упал на ее лицо, и она невольно подумала, что солнце еще никогда не было таким нежным и медово-теплым, как сейчас, когда оно сияет так ярко, как надежда, готовая сбыться, угасающая надежда, которую вот-вот разгрызут чьи-то зубы и проглотят без остатка.

Она ждала. Она соорудила трон из анемонов для Булана и корону из цветов, в которой сонные пчелы продолжали дремать в сжатых ладонях цветов. Его это позабавит, думала она, улыбаясь про себя.

Прошел день.

Потом два дня. Потом три.

Они слиплись в один комок, в узел, который невозможно было развязать.

Дивата рискнула подойти к склону, который смотрел на деревню. Там она увидела Булана, в ярком оранжевом плаще, который он всегда надевал, когда шел к ней. Жители деревни плясали на весеннем празднике. Булан стоял к ней спиной, но дивата все же увидела смуглые руки другой женщины, обхватившие его шею.

Ее никогда прежде не отвергали. Для нее горе было чем-то далеким. Она ощутила его, как ощущают давление кинжала еще до того, как возникает боль. Черные, ошеломляющие секунды, когда надежда – на то, что, может быть, боли не будет – трепещет ровно столько мгновений, чтобы нанести рану, гораздо более страшную, чем удар кинжала.

Она отвернулась. От ее слез прогремели грозы и вздулись реки. Как это жестоко, что он похитил ее сердце! Приковал ее к этому месту.

В тот день она дала себе обещание.

– Никогда не позволю другому человеку похитить то, что принадлежит мне.

Возможно, если бы дивата сделала еще пару шагов, она бы увидела его – свое тускло мерцающее сердце, испачканное грязью. Оно отлетело далеко в сторону от тела Булана, прямо к той черте, где подножье горы граничило с деревней людей. Возможно, если бы хранительница горы не произнесла еще одну клятву, все могло бы быть иначе:

– Я найду свое сердце, и больше никто не украдет его у меня.

Возможно, возможно, возможно.

Все осколки сказки.

Вот почему вы не должны смеяться, когда увидите красивую женщину, роющуюся в земле, или пытающуюся дотянуться до высоких веток.

Вот почему вы должны вывернуть одежду наизнанку.

Вот почему вы должны выбросить из карманов все плоды.

Потому что хранительница горы не любит, когда вы берете вещи, которые вам не принадлежат.

Послесловие автора

Мария Макилинг

Филиппинская народная сказка

Мария Макилинг, иногда дух-хранитель, а иногда богиня доколониальных времен, ассоциируется с почитаемой на Филиппинах горой Макилинг, вершины которой напоминают профиль молодой женщины. Она всегда потрясающе прекрасна, и причины того, почему она живет на горе, варьируются в зависимости от периода времени и от рассказчика. Самые популярные истории о Марии гласят, что та похищает молодых мужчин, и они живут с ней в горных лесах. Но ее истории любви не всегда имеют счастливый конец. В одном варианте сказки, автор которой Хосе Ризал, филиппинский поэт и национальный герой, Мария влюбляется в юношу, который предает ее любовь, когда начинается призыв в армию. Вместо того, чтобы ждать Марию, он женится на смертной женщине ради возможности остаться в деревне. Она печально говорит ему, что могла бы защитить его, если бы только он ее дождался. В другой сказке о Марии она выражает свое благоволение нескольким деревенским жителям, превратив имбирь в золото. Но ее благодеяние иногда приводит к плачевным результатам: в некоторых вариантах сказки сельчане благодарны ей и демонстрируют свою любовь; в других вариантах в них просыпается жадность, и они врываются в ее горный сад, одержимые желанием проверить, все ли выращенные Марией плоды из золота.

Мария прочно привязана к ландшафту. Люди до сих пор сообщают, будто видели женщину в белых одеждах, идущую вниз по длинной горной дороге. Иногда она пытается попросить кого-нибудь подвезти ее вниз с горы, словно пытается поскорее убежать от чего-то.

Я выбрала эту историю потому, что ни одна сказка не может точно описать личность этой горной богини. Но все без исключения сказки о Дайанг предостерегают нас, что у нее нельзя воровать. Я хотела понять почему. «Запретный плод» – это мое исследование ее истории и моя дань уважения ее мистическому присутствию.

Алисса Вонг Стол Оливии

Оливия влетела в город вместе с бурей и направилась прямо в гостиницу «Гранд-Сильвер». Баночки и контейнеры с соусами и маринадами дребезжали в багажнике ее «тойоты», она уложила их туда вместе с продуктами, которые привезла из Феникса. Вечернее небо нависло тяжелыми черными тучами, но заходящее солнце Аризоны все еще жгло ей руки сквозь стекла автомобиля.

Бисден был одним из тех шахтерских поселков, которые возникли в начале девятнадцатого века, некоторое время процветали, а потом почти умерли, когда залежи серебра закончились. Теперь городок зарабатывал на туристах, которые стекались в него, надеясь увидеть две вещи: настоящий город-призрак Дикого Запада, и одно из самых посещаемых привидениями исторических мест на юго-западе.

После того, как Оливия все детство ездила сюда из Феникса, она едва ли нуждалась в подсказках GPS. Она ехала мимо редких «пало верде»², растущих вдоль витрин старых лавочек. Снаружи ветер поднимал в воздух колючие тучи пыли и каменной крошки, гнал их по голой грунтовой дороге красного цвета, проходящей через городскую площадь Бисдена. Воздух приобрел светло-коричневый оттенок, и Оливия шурилась, чтобы хоть что-то видеть сквозь пыль.

Перед обшитым досками салуном два актера в полном облачении ковбоев времен Дикого Запада бросали вызов приближающейся пыльной буре, держа руки на висящих у бедра пистолетах. Большинство туристов уже вошли внутрь; лишь несколько задержались и наблюдали за актерами, заслоняя ладонью глаза или снимая их на свои телефоны.

И еще там были привидения, десятки привидений, толпящихся вокруг туристов и качающихся на ветру, как ковыль. Некоторые призраки были одеты красиво – в длинные юбки и блузки, застегнутые до самого горла, с шейными платками, заправленными под облегающие жилеты, – но большинство носило рабочую одежду. Широкополые шляпы, прочные брюки, свободные рубахи. Лишь некоторые из них были белыми. На всех виднелись следы от травм; торс одного джентльмена был пробит россыпью дыр от ружейных выстрелов; тела группы женщин, державшихся поодаль, возле салуна, обгорели и почернели, а обрывки платьев колыхались вокруг них, как тучи пепла.

Оливия вздохнула. Они еще и расположились прямо перед гостиницей «Гранд-Сильвер». Наверняка намеренно.

Она забросила на плечо рюкзак и сунула в карман телефон. Ее коса расплелась, но девушка не обратила на это внимания. Заперев машину, Оливия вытащила длинный конверт с бумажными талисманами, которые много лет назад написала ее бабушка. Налепила по одному на каждое окно автомобиля, и медный след магии вспыхнул искрами в воздухе. Небо над головой рокотало, когда она достала упаковку липучек и заклеила ими талисманы. Если сработает, талисманы отпугнут привидения от машины, а липучки предохранят талисманы от дождя.

Это должно сработать, твердо сказала она себе. Срабатывало же у мамы каждый раз, когда они приезжали сюда вместе. И хотя сейчас мамы здесь не было, Оливия много лет смотрела, как та обеспечивала таким образом безопасность своей машины.

Нет времени для сомнений. Она направилась к гостинице мимо актеров и туристов. Ей пришлось расталкивать призраков на ходу. Их тела были более плотными, чем в другое время года, а ткань одежды касалась рук, пока она пробиралась сквозь толпу. «Извините», – бормотала она. Две женщины из индейского племени хопи посмотрели на нее свысока из-под полей

² Дерево с корой зеленого цвета, символ штата Аризона.

шляп и посторонились, чтобы она могла протиснуться мимо. Группа рудокопов-китайцев, их тела изломаны и раздавлены... «Обвал в шахте, – подумала она, – авария». Они следили за ней издали, не двигаясь. Никто из туристов, по-видимому, не видел призраков, они смотрели сквозь них на девушку, которая, почему-то лавируя, шла по совершенно свободной площади.

Трехэтажная гостиница «Гранд-Сильвер» цеплялась за последние остатки своего величия. Внутри в старых светильниках сияли новые электрические лампочки, а потрепанный ковер хрустел под теннисными туфлями Оливии. Как и все другие заведения в городе, «Гранд-Сильвер» держался на плаву, рекламируя свое собственное привидение. Картина маслом, на которой была изображена Плачущая Дама, висела на стене над стойкой администратора, а вращающийся стенд с открытками, большая часть которых была репродукциями той же картины, лениво вращался у двери лифта. Пожилая женщина за стойкой улыбнулась при виде Оливии. На ее нагрудном бейдже стояло имя «Рени».

– Добро пожаловать в гостиницу «Гранд-Сильвер». Чем мы можем вам сегодня помочь?

– Я приехала на Фестиваль привидений, – ответила Оливия. Ее голос прозвучал слишком громко в почти пустом вестибюле. Она очень не любила слушать свой голос; разговоры давались ей с трудом. – Мне нужен номер на сегодняшнюю и на завтрашнюю ночь, и мне нужна помощь, чтобы перенести вещи из машины.

Рени повеселела.

– Конечно. Фестиваль привидений состоится завтра ночью, это одно из самых интересных событий Бисдена. Кстати, приехало еще несколько туристических групп, которые явились сюда, чтобы его увидеть, так что вы не будете одиноки. Ничего опасного, но мы все же просим всех оставаться в гостинице и держаться на разумном расстоянии от призраков...

– Я не туристка, – сказала Оливия. – Я приехала готовить еду для вечеринки, – она полезла за водительскими правами, но первым выскользнул ее студенческий билет. Она подхватила его раньше, чем он упал на землю. – Вы прежде работали с моей мамой. Амори Чан.

Администратор прищурилась.

– Так вы – дочь экзорцистки Чан? Вы действительно немного похожи на нее.

«С ее стороны очень любезно солгать», – подумала Оливия.

– Она много лет нас вырочала. Каждое лето, в ту ночь, когда призраки выходят и бродят среди людей. А ее стряпня, разумеется, превосходна.

«Спасибо», – хотела сказать Оливия, но слова застряли у нее в горле. Рени, казалось, этого не заметила.

– Мы с нетерпением будем ждать вас на Фестивале привидений. Всегда было удивительно интересно смотреть на работу Чан. Отличное представление, а ее старания много лет обеспечивали безопасность города, – когда Оливия зарегистрировалась в своем номере, Рени прибавила, помолчав: – Кстати, наша Плачущая Дама становится... неуправляемой. Не могли бы вы попробовать это исправить или найти ей замену? Прошло уже почти десять лет с тех пор, как ваша мать приводила в порядок наше привидение.

Картина с изображением Плачущей Дамы мирно висела на стене. Это была пышнотелая молодая женщина в подвенечном платье и вуали, закрывающей лицо. Покинутая невеста-самубийца, чьи рыдания можно было изредка слышать поздней ночью. Не слишком оригинально.

– Я этим займусь, – пообещала Оливия.

Рени и двое служащих гостиницы – горничная и юноша (вероятно, ее сын) – помогли перетащить бидоны Оливии с соевым соусом и маринадом из машины в кухню гостиницы. За ними последовали рис, кухонные инструменты и множество бумажных пакетов с различными сортами мяса. Выбор в супермаркете Бисдена был невелик, поэтому она привезла все, что удалось разместить на заднем сиденье «тойоты» и в багажнике. Когда они вносили товары в гостиницу, Оливия заметила у входа призраков. Актеры уже ушли, и теперь привидения все, как один, уставились на Оливию и служащих гостиницы.

В воздухе пахло приближающимся дождем. Она зашагала быстрее.

Оценив кухню – довольно маленькая, хотя такими были все кухни в старых гостиницах Бисдена, – Оливия проверила свой телефон. Нет сигнала, нет интернета, но есть пара закрытых на пароль точек доступа от ближайших магазинов. У «Гранд-Сильвера» был свой собственный роутер, и Рени дала Оливии пароль вместе с длинным, старомодным металлическим ключом.

– Вы будете жить в номере триста девять, – сказала она.

Следующие несколько часов Оливия провела на кухне – резала, пробовала, подготавливала продукты на завтра. Когда она закончила, уже наступила ночь. Добравшись по лестнице в свой номер, она присела на пол у кровати и расставила несколько пакетов с ладаном и бумажными амулетами. Достаточно благовоний, достаточно еды...

Нет, еще не достаточно. Она распаковала маленькую керамическую миску и бросила в нее пригоршню сушеной апельсиновой кожуры, а потом чиркнула над ней спичкой. Когда-то мама учила ее, что дым от горящей кожуры апельсина отгоняет призраков. Это средство ее никогда не подводило.

Оливия колебалась. Огонек лизал спичку, подбирался к пальцам. Через секунду она ее встряхнула и погасила.

Ветер дребезжал оконными рамами, когда она улеглась в постель. Слабые звуки шагов наверху и женские рыдания, доносящиеся сквозь доски пола, преследовали девушку во сне.

Насколько Оливия помнила, дождь шел во время каждого Фестиваля привидений. На седьмой месяц по календарю ее мамы и на восьмой по календарю папы мама набивала мини-фургон едой и на несколько дней уезжала на юг, оставив Оливию и папу на попечение бабушки. Это был сезон муссонов, и проливной дождь заливал дороги и каменные водостоки позади домов. Но, когда небо прояснялось, мама возвращалась с пустым багажником и с чеком на такое количество денег, которое она не зарабатывала и за полгода.

Некоторое время она не говорила Оливии, куда ездит, и что там делает. Но в тот год, когда Оливии исполнилось восемь лет, мама погрузила ее на заднее сиденье рядом с бумажными пакетами с продуктами и в первый раз повезла в Бисден.

– Поедешь с мамой, – сказала она. Тогда ее короткие черные волосы были лишь чуть-чуть тронуты серебром, и она еще выглядела здоровой. – В этом году мне нужна твоя помощь на Фестивале привидений.

Дорога заняла восемь часов, и к тому времени, как они добрались до крохотного городка, приближался закат. И буря тоже – муссон из пустыни неумолимо наползал на горизонт. В ту ночь они остановились в гостинице «Гранд-Сильвер», хотя в следующие годы они обычно жили по очереди в разных гостиницах, собирая чеки на оплату от многих благодарных владельцев. Все гостиницы в городе хотели получить шанс принять у себя фестиваль и привлечь основную массу туристов года. Мама рассказала Оливии, что когда ее мать и длинная череда женщин Чан до нее готовили еду для Фестиваля привидений в этой стране, а до того в других странах, они редко останавливались в одном месте больше года.

– Разные призраки привязаны к разным гостиницам, Оливия, – сказала мама, когда они готовились лечь спать. Мягкий свет лампы освещал ее лицо. – Иногда они привязываются к определенному месту, иногда другие люди привязывают их к нему, и они не могут уйти. Переноса угощение в разные гостиницы, мы обеспечиваем еду тем, кто упустил возможность поесть в прошлом году. Хорошее обслуживание – это учитывать интересы других.

Мама всю ночь и весь следующий день проводила за подготовкой и стряпней, и заставляла Оливию помогать, насколько это было по силам девочке. Оливия стояла на маленьком металлическом табурете и резала овощи. Она нарезала их тщательно и ровно под строгим надзором мамы. Иногда она смотрела из окна на туристов, бегущих под дождем, глаза которых

становились огромными и круглыми, – она видела это даже на большом расстоянии, – когда они замечали одно из привидений.

– Приезжие их боятся, – сказала ей мама, подготавливая пару бамбуковых пароварок. – Как раз сейчас люди могут их увидеть.

– Разве они не все время могут видеть призраков? – спросила она.

– Не так, как ты и я. Фестиваль – это то время, когда привидения больше всего похожи на самих себя, а не на то, какими их хотят видеть живые люди. Не каждому понравится то, что они увидят сегодня ночью.

Когда руки Оливии устали, мама отослала ее прочь из кухни отдыхать. Длинный обеденный стол, который мама взяла в гостинице, стоял на веранде перед парадным входом. Девочка заползла под него и смотрела, как потоки дождя с нарастающей силой заливают дорогу, образуя водовороты в красно-коричневой грязи, до тех пор, пока дневной свет не погас и не зажглись электрические фонари.

Её геймбой! Она оставила его в машине. У Оливии не было зонтика, но она выбежала под дождь, и капли забарабанили по ней, просачиваясь сквозь одежду. Дожди шли всего около двух недель каждый год, и холодные капли, падающие на лицо, наполняли ее головокружительной энергией. Она побежала по улице к маминой машине, нарочно шлепая по самым большим лужам.

Когда она пробежала половину пути по темной улице, ее остановил чей-то голос.

– Ты не здешняя.

Оливия резко обернулась. Женщина-призрак стояла под тентом универмага Бисдена, прислонясь к столбу. Она была одета в хлопчатобумажную сорочку и брюки, как многие другие местные, которые при жизни работали на железной дороге. Среди привидений-китайцев женщины попадались редко. Это была девушка с темно-каштановыми волосами, маленьким ртом и черными глазами – как у Оливии. На вид она была немного старше Оливии, но далеко не такая старая, как мама Оливии.

– Тебя потеряли? – спросило привидение.

– Никто меня не терял, – ответила Оливия. – Я вышла забрать свой геймбой, – она подошла немного ближе, под тент, и женщина-привидение не отпрянула от нее. Когда Оливия протянула руку и дотронулась до призрачного рукава, рука девочки прошла насквозь. – Как тебя зовут?

– Мей Лин, – ответила девушка. В ее голосе звучал смех. На таком близком расстоянии Оливия видела, что у нее раздавлены ноги, как и у многих других призраков-китайцев, которые погибли в результате несчастного случая во время строительства. – Но моя ма зовет меня Сейди.

– А я Оливия, – сказала Оливия. – Моя бабушка тоже дала мне китайское имя, но папе не нравится, когда я им называюсь.

Однажды ночью она подслушала разговор папы с бабушкой, когда была еще совсем маленькой. «Что она будет делать, когда другие дети в школе будут ее дразнить?» – спросил он. Оливия не сказала ему, что другие дети все равно ее дразнят, как бы ее ни звали.

– Я не знаю, что такое геймбой, – сказала девушка-привидение. – Но почему бы мне не пойти за ним вместе с тобой?

В голове Оливии зазвенел сигнал тревоги. «Не разговаривай с незнакомыми людьми, – много раз предупреждала ее мама. – И не доверяй привидениям, особенно во время Фестиваля привидений».

– Нет, – ответила она. – Со мной все в порядке. Это совсем рядом.

Но девушка-привидение пошла за ней. Оливия побежала быстрее, а скрип раздавленных лодыжек привидения звучал все громче, и ночь становилась все темнее. Вокруг них струи

дождя били по земле. Вода неслась все прибывающими потоками, и не было сточных канав, чтобы отвести ее с улицы.

Где же машина? Было темно, электрические фонари казались такими тусклыми, а привидение было у нее за спиной, оно двигалось слишком быстро, шатаясь...

Оливия поскользнулась и упала на спину в воду. Она сильно ударилась головой о камень, и быстрое течение потащило, перевернуло задыхающуюся девочку лицом вниз. Она вдохнула и набрала полные легкие воды. Оливия задохнулась и попыталась подняться, но ладони ее скользили по россыпи гравия, и руки не находили опоры.

Она тонула. Две недели дождя в году, и вот так ей предстоит умереть. Когда она вернется в виде привидения, неужели ее легкие будут всегда наполнены водой?

Оливия наугад протянула руку, и кто-то схватил ее за предплечье. Девушка-привидение вытащила ее из воды. Когда она стучала кашляющую Оливию по спине, ее рука была крепкой и теплой, по всей длине до сломанных пальцев. Ее хлопчатобумажная одежда промокла насквозь.

В голове Оливии ярко горела боль.

Мей Лин подняла ее и прижала к груди. Сердце ее не билось. А потом они бежали, расплескивая ногами прибывающую воду, по направлению к городской площади. Последним, что увидела Оливия, были оштукатуренные стены гостиницы «Гранд-Сильвер» и толпы привидений, стекающиеся к пиршественному столу ее матери; их многочисленные, снова ставшие материальными тела, пульсировали в лунном свете.

Оливия проснулась слишком рано, стук сердца громко отдавался у нее в ушах. Крыша гремела так, будто кто-то ронял на нее камни. Приглушенный рев дождевых потоков окружал ее, а когда девушка раздвинула шторы, то увидела, что улица залита стремительными потоками воды, точно так же, как это было в тот далекий год, много лет назад. Ни одного живого человека на улице, даже вчерашних актеров. Но привидения – их было так много, почти сосчитать невозможно, – сгрудились под крышей веранды и под тентами, их тела прижимались друг к другу, прячась от дождя.

Рыдания над головой прекратились. Вчера ночью, в тумане полусна, голос плачущей женщины показался Оливии знакомым. Девушка внимательно прислушалась, но не услышала ничего, кроме бури.

Она проверила свой телефон на предмет пропущенных звонков, и обнаружила, что их нет. Нет телефонной сети. Ладно. Но интернет был, поэтому она отправила электронное письмо папе: «Я благополучно добралась до Бисдена. Вся готовка сегодня. Скоро вернусь домой. Люблю тебя. Не забудь поесть».

Слишком поздно она вспомнила, что мама обычно все свои эсэмэски и письма заканчивала теми же словами. Но она уже нажала «отправить». Она прикусила губу, потом стала натягивать джинсы.

Несмотря на ранний час и проливной дождь, привидения уже стояли на улице в полном составе. Она прошла мимо них, и они поворачивали к ней головы на тощих шеях, которые вертелись, как у сов. Полная луна слабой тенью мелькала на небе, едва заметная в просвете сгущающихся туч. Когда Оливия направилась к своей машине, тот парень, который помогал ей вчера носить на кухню припасы, побежал вслед за ней.

– Эй, – задыхаясь, сказал он. – Мама попросила меня помочь, если тебе что-то понадобится.

Оливия посмотрела на него. На вид он был одного с ней возраста, лет семнадцати, самое большее. Она не могла вспомнить его имя.

– Я просто иду купить еще продуктов, – ответила она.

– Я помогу тебе донести покупки, если хочешь. Мне не трудно, – он широко улыбнулся. – Меня зовут Карлос.

Он действительно выглядел сильным, у него были мускулистые руки и шея. Когда он улыбался, на щеках появлялись милые ямочки. Если бы ее интересовали мужчины, она могла бы счесть его привлекательным.

– Я Оливия, – сказала она. – Но я собираюсь купить много всего.

– Я так и понял. Не думал, что привидения много едят, но, видимо, все-таки немало. – Казалось, его не беспокоил ни дождь, ни призраки, наблюдающие за ними из-под тентов. Но, с другой стороны, он ведь не видел никаких призраков.

Самое лучшее в супермаркете Бисдена, решила Оливия, – это низкие цены. Она направилась напрямик к дальнему прилавку и купила две дюжины свежих рыбешек. Они уже уснули – не такие свежие, как живые, которые плавают в аквариумах на китайском рынке в ее родном городе, но и эти сойдут. Она доверху нагрузила свою тележку свежими продуктами: зеленый лук, морковь, чеснок, травы. Четыре ящика апельсинов. Очень плохо, что в Бисдене не оказалось магазинов-складов компании «Костко».

Карлос много болтал, но свою часть сделки выполнял. Он нес все ее покупки и помог ей погрузить их в ее машину. Он рассказал ей все о своей учебе в школе (он был учеником младших классов, на год младше нее), о своих планах на будущее (поехать в Аризону и изучать машиностроение), и своем друге (Шон, красивый и увлеченный компьютерами, тоже будущий инженер).

– А как насчет тебя? – спросил он, когда они ехали сквозь ливень. – У тебя есть кто-нибудь, кто тебе нравится?

– Раньше была, – ответила Оливия. – Но мы недавно расстались.

Это случилось полгода назад, весной. Прайя была на год старше и училась в той же школе, а когда узнала, что поедет в колледж на Восточное побережье, то была в восторге.

Оливия не хотела держать Прайю на привязи. Раз Прайя едет на восток, а Оливия останется в Аризоне, разумно было порвать с ней. Но Прайя не согласилась, а когда она заплакала, а Оливия не стала плакать, она обвинила Оливию, что та ее не очень-то любит, и не хочет быть ее подругой.

– Но ты уезжаешь из штата, – возразила Оливия. – Я же не могу переехать в Бостон ради тебя. – Прайя сдула свои волнистые волосы с лица и в упор посмотрела ей в глаза, заставив опустить взгляд.

– Ты знаешь, что я не об этом. Даже когда мы вместе, обедаем, смотрим фильмы или делаем что-то еще, ты всегда такая отстраненная. Чувствуется, что ты где-то далеко, не со мной, – она плотнее сжала губы. – У тебя есть другая?

Было воспоминание о девушке в темных хлопчатобумажных брюках, с волосами, лежащими на плечах, которая вытаскивала ее из воды. И была еще мама, которая лежала одна в больнице и смотрела телеспектакли, пока не засыпала. Об этом она тоже никогда не рассказывала Прайе, потому что это было слишком личное, чтобы говорить об этом.

– Нет, – ответила Оливия.

К тому времени, когда Прайя уехала в колледж, они уже расстались.

Оливия и Карлос проехали остальной путь обратно молча. Когда они разгружали машину, Карлос вдруг замер. Оливия взглянула на него.

– В чем дело?

– Мне показалось... – он осекся, нахмурился. И побледнел. – Мне показалось, я что-то увидел. Вон там, слева от тебя. Но теперь оно исчезло.

Оливия взглянула туда. Призрак разрушенного болезнью старика смотрел на нее. Его ввалившиеся глаза блестели.

– Я ничего не вижу, – сказала она.

– Давай внесем все, что осталось, – сказал Карлос, быстро обгоняя ее.

Оливия бросила последний взгляд на привидение и последовала за ним. Если Карлос начинает их видеть, ей нужно быстро заняться готовкой. Луна поднималась; надвигался Фестиваль привидений. У нее вспотели ладони. Она вытерла их о джинсы и прошла внутрь, мимо туристов, которые уже начинали толпиться в фойе с буклетами о Фестивале привидений.

Оливия разложила все ингредиенты на столах, сгруппировав по блюдам. Утки, свинина, креветки, рыба. Muskusная дыня – сейчас не сезон, но она купила ее на одном из китайских рынков у себя в городе. Пряности, маринады. Красные бобы, кунжутное масло, сахар, соль. Китайская капуста, зеленая фасоль, корни лотоса, соусы, на приготовление которых она потратила последние два дня.

Карлос задержался у двери.

– Разве тебе нечего делать? – спросила она его, и поморщилась. «Слишком грубо. Не те слова». Всегда не те, когда она их произносит.

– Есть, – ответил он. Он не смутился, и тугой узел в груди Оливии ослабел. – Но я хотел бы помочь, если смогу. Тебе ведь нужен кто-нибудь, чтобы помогать нарезать, подготавливать продукты, правда? Я все время готовлю еду на этой кухне.

У Оливии будто камень с души упал.

– Спасибо, – тихо произнесла она. И показала на овощи, лежащие аккуратными рядами. – Мне нужно порезать их. Чеснок мелко нарубить, зеленый лук нужно нарезать длинными перьями, но не длиннее пальца. Морковь тонко нарезать. Дыню нарезать кубиками.

– У тебя есть рецепты?

– Только в голове, – ответила она. Мама тоже так работала.

Карлос вздохнул и взялся за нож.

– Ладно, возьмемся за дело.

Они работали несколько часов, и вскоре начали подстраиваться под ритм друг друга. Часы над раковиной тикали, солнечные лучи косо падали в окна, потом стало темнеть. Оливии не нужно было выглядывать наружу – она и так знала, что люди запираются в своих домах, задергивают шторы. Только любопытные туристы выглядывают из больших стеклянных окон каждой гостиницы на этой улице. Все гостиницы закрывают свои парадные двери на засов, за исключением «Гранд-Сильвера». В «Гранд-Сильвере» не могли этого сделать, так как Оливии до сих пор приходилось бегать туда-сюда с едой. На порогах гостиницы уже лежали бумажные талисманы, которые должны были отпугнуть любых призраков, задумавших недоброе, или кое-что пострашнее привидений.

Время летело, Оливия обливалась потом, она тушила, жарила и варила на пару. Ее мышцы болели, но адреналин и страх заставляли петь ее тело и мозг. Растущая энергия духов, поступающая извне, превращалась в напряженное жужжание в ее голове. Она слышала сквозь стены, как привидения перешептываются в ожидании. Судя по выражению лица Карлоса, он, похоже, тоже их слышал. А затем из здания гостиницы донеслись жуткие завывания, и по потолку над ними кто-то ходил на высоких каблуках, подволакивая сломанные ноги. Эти звуки раздавались где-то в воздуховодах.

Взошла луна, и Оливия начала раскладывать еду по тарелкам.

Из-за болезни мама Оливии стала слишком слаба, чтобы ездить далеко. Ей велели поменьше двигаться, чтобы сохранять энергию. От движения ее тошнило. Но единственным местом, откуда папа Оливии не мог ее прогнать, была кухня. Даже когда ей было трудно стоять, она все равно настаивала на своем и готовила обед для семьи. Оливия помогала ей сесть в кресло у плиты, и мама часами сидела там, следя за тем, чтобы все составляющие трапезы были приготовлены как следует. Оливия делала все, что могла, чтобы облегчить ее бремя:

отмеряла жидкости, варила рис, заботилась о том, чтобы все ингредиенты были нарезаны правильно, и маме не приходилось об этом волноваться.

Однажды вечером мать улыбнулась ей.

– У тебя это начинает хорошо получаться. Я рада. Тебе придется этим заниматься, когда меня не станет.

В горле Оливии встал комок.

– Этого не случится.

«Я не могу занять твое место», – подумала она.

– Ты поправишься.

– Не позволяй семенам кунжута подгореть, – сказала мама, и Оливия машинально бросилась к сковородке и спасла поджаривающиеся семена. – Хорошо, хорошо. Поставь их куда-нибудь в надежное место остыть.

Оливия высыпала их в маленькую миску. У нее дрожали руки.

– Я не могу тебя потерять. Папа не может тебя потерять. Ты выздоровеешь, я это знаю.

Мама протянула к ней руку. Ее пальцы были такими тонкими, такими хрупкими.

– Если ты будешь с честью выполнять свой долг, делать все, чему я тебя научила, обещаю, я никогда тебя не покину, – она сжала руку Оливии. – Я люблю себя, Си И.

Оливия не слышала этого имени много лет, с тех пор, как умерла бабушка. На ее глаза навернулись слезы.

– Мама...

Загудел кухонный таймер. Мама сняла с огня китайские свиные ребрышки и выложила их на керамическое блюдо.

– Помни мои слова, – сказала она Оливии. – Теперь отнеси это на стол.

Накрытый стол ждал на веранде гостиницы «Гранд-Сильвер», защищенный от ливня и от потоков воды внизу. Цепочка выложенных вокруг него талисманов служила границей и тянулась до дверей в гостиницу. Вдоль нее толпились привидения, перешептываясь друг с другом. Они стали материальными, состоящими из плоти и костей, – только на эту ночь. Только на время пиршества до восхода солнца. На небе, в разрыве между тяжелыми тучами, висела полная луна, похожая на злой глаз.

Оливия вышла с тележкой, уставленной гигантскими горшками и стопками металлических блюд, и с грохотом провезла ее мимо собравшихся в фойе туристов, не отвечая на их вопросы. Она не позволила Карлосу последовать за ней на веранду, и ощущала его взгляд спиной, переступая порог гостиницы. Она выкладывала одно блюдо за другим с утками по-пекински на середину стола, создавая шеренгу из мяса и мягких, бледных, источающих пар булочек. Она снимала крышки с горшков, и аромат супа из мускатной дыни поднимался в плотный воздух. Потом девушка начала разливать суп по мискам так быстро, как только могла.

Привидения шептались и прижимали ладони к барьеру, шипели, когда пахнувшая медью магия рассыпала искры, обжигая их кожу. Спина Оливии покрылась холодным потом. Но ее руки не дрожали, и она продолжала разливать суп по мискам. Наконец, на столешнице не осталось свободного места. Оливия отступила назад, и выложила еще один ряд талисманов, так что образовался узкий свободный проход от двери к столу.

И громко объявила:

– Добро пожаловать, уважаемые гости! Меня зовут Оливия Чан, и я приготовила для вас угощение, чтобы вы могли взять еду, поесть и успокоить ваши души. – Мама произносила эту речь много раз, и Оливия ни разу не запнулась. – Прошу вас, подойдите. Добро пожаловать к столу!

С этими словами она разорвала барьер из талисманов вокруг стола. Привидения накинулись на еду. Они отталкивали друг друга, хватили миски и палочки для еды. Некоторые ели

руками и заталкивали в рот пищу так быстро, как только могли. Многие призраки больше походили на зверей, чем на людей, так были голодны. Они яростно рвали мясо, погружали лица в миски с супом и огрызались на соседей, добираясь до желанных блюд. Казалось, что еда испаряется, пока привидения сражались... и ели, ели, ели.

«Я приготовила недостаточно еды, – в панике подумала Оливия. Ее желудок сжался от ужаса. – Все эти люди пришли к моему столу, а я не смогу накормить их всех».

«Выдохни».

Она перевела дух. Схватила тележку и бросилась обратно за новыми порциями еды. Креветки в прозрачном сладком соусе; крабы с имбирем и луком-шалот. Один сорт рыбы за другим, все приготовлены на пару с острым, соленым соусом. Нежная маринованная говядина, еще шипящая на металлических блюдах. Тушеная куриная грудка, со всеми соусами; свиные отбивные с острым перцем. Свиные ребрышки по рецепту матери, сладкие и политые ярко-красным соусом, присыпанные поджаренным кунжутом. (У Оливии заболело сердце.) А затем, наконец, блюдо за блюдом нарезанных ломтиками апельсинов и миски со сладким супом из красной фасоли. Они исчезли, едва Оливия их поставила на стол, но она не снижала темп, ноги у нее горели, но руки не дрожали.

Ночь подходила к концу, и новые призраки стекались к столу, сменяя тех, кто набил свой желудок и побрел прочь. Луна плыла по небу. В перерывах между новыми волнами привидений Оливия наблюдала, жгла благовония и бумажные амулеты на маленьком костре. Глеющие искры поднимались в воздух подобно пожеланиям и гасли. Дождь лил без остановки.

Мей Лин не появилась. Оливия следила за столом и так сильно кусала губы, что начала ощущать вкус крови. Приходили новые привидения, некоторые ели спокойно, другие набрасывались на блюда, словно умирали с голоду. Дикость их взгляда, их горе, их страх и ярость, все это стихало во время еды. Берите и ешьте, сказала она. Призраки американских китайцев рыдали сильнее других, смеялись и наслаждались знакомыми блюдами. «Спасибо, – говорили они ей. – Никогда не думал, что снова попробую это блюдо». И один за другим исчезали, таяли, чтобы, наконец, упокоиться.

Вот почему она здесь, новая экзорцистка Чан. Это был экзорцизм лишь в самом приблизительном смысле этого слова. Ее работа не была актом изгнания; ее роль заключалась в том, чтобы утешить одинокие души, предложив им свободу.

Оливия вспомнила о шагах наверху, о ночных рыданиях. Она подбросила вверх свой бумажный амулет и пошла обратно в гостиницу, сквозь толпу туристов в фойе. Они пытались заговорить с ней, но она их не слышала. Она остановилась у стойки администратора и уставилась на портрет Плачущей Дамы.

Вчера Рени перегнулась через стойку и улыбнулась ей. «Наша Плачущая Дама становится... неуправляемой. Не могли бы вы попробовать это исправить или найти ей замену?»

Чем дольше привидение обитает в одном месте, без отдыха, тем более беспокойным оно становится. Жизнь и смерть Бисдена зависела от того, привлекал ли городок туристов привидениями. А когда призрак активен, это придает легендам легитимность. Но привидения, слишком надолго запертые в одном месте, начинают сходить с ума, и тогда причиняют вред людям.

Оливия пристально смотрела на картину, на белую вуаль, закрывающую лицо Плачущей Дамы. За десять лет проведения Фестивалей привидений, с того первого фестиваля в «Гранд-Сильвере», Оливия ни разу не видела Мей Лин.

Под вуалью Плачущей Дамы мог скрываться кто угодно.

Она повернулась и побежала на кухню. Там еще оставалось немного риса, как раз хватит на одну миску. Все остальное закончилось, поданное на стол на веранде и уже съеденное. Оливия надеялась, что риса хватит. Она поднялась по лестнице на третий этаж и направилась в свой номер. Когда она шла наверх, до нее сверху донеслись знакомые рыдания, и она заторопилась. Когда Оливия открыла дверь в комнату, она увидела женщину, стоящую у окна и глазающую

на пир внизу. На ней было подвенечное платье с испачканным грязью подолом и длинная белая вуаль. Призрачная женщина повернулась к Оливии.

Оливия сняла со своей шеи подвеску-амулет и положила его на пол рядом с собой. Медленно подошла и протянула миску с рисом.

– Я принесла вам немного еды, – сказала она. На этот раз ее голос не показался ей самой слишком громким. – Здесь не очень много, но вы, наверное, голодны. Пожалуйста, уважаемая гостья, возьмите и поешьте.

Плачущая Дама не пошевелилась, но позволила Оливии подойти. От риса поднимался легкий пар и плыл по воздуху. Дождь лил снаружи, барабанил в окно, требовал, чтобы его пустили. Оливия протянула руку, предлагая миску.

Призрачная Дама взяла ее. Прикоснувшиеся к Оливии руки были теплыми и твердыми. Оливия осторожно откинула с лица женщины вуаль.

Когда умерла мать Оливии, она не вернулась в виде привидения. Оливия почти ждала, что мама вернется, но та не материализовалась в больничной палате, когда папа решил отключить ее от системы жизнеобеспечения, и ни в одну из тех ночей, когда Оливия слышала, как папа плачет в одиночестве у себя в комнате. На похоронах только молчаливое тело с обликом мамы лежало в гробу.

Люди становятся призраками, когда они не знали покоя, или у них осталось незаконченное дело, или они испытывали слишком большие сожаления и не могут упокоиться. Они превращаются в привидения, когда те, кого они любили при жизни, забывают их или не выказывают им уважения. Оливия жгла благовония, несмотря на предупреждения о пожаре в особенно сухие дни, а иногда она откладывала на маленькую тарелочку немного еды, которую готовила, и потом ставила на мамин алтарь. Но она держала этот маленький алтарь в своей комнате, подальше от папы. Всякий раз, когда отец видел его, он кривил губы и внезапно уходил из дома: горе гнало его куда-то в другое место.

Оливия начала оставаться в школе допоздна, просто для того, чтобы не сидеть дома. Она отдалилась от друзей, пряталась в библиотеке. У нее снизилась успеваемость, потом исправилась. Постепенно девушка осознала, что мама ушла. Не просто умерла и стала привидением, а ушла совсем.

Люди становятся привидениями, когда что-то привязывает их к какому-то месту. По-видимому, маму Оливии ничто здесь не удерживало.

Оливия не подала заявление на поступление в колледж. Каждый раз, когда она доходила до раздела «Семья» в анкете (Имя родителей? Их образование? Родственники? Живые? Умершие?), в ее голове начиналась неразбериха. Вопросы эссе были глупыми: «Что вы делали прошлым летом и как это на вас повлияло?». Она просто вспоминала уродливую, идеально чистую раковину в больнице, и не могла ее забыть, как бы ей этого ни хотелось. Кроме того, кто-то должен был заботиться о папе. Оливия не могла оставить его одного.

Ее отношения с Прайей разрушились, и Оливия смирилась с этим.

Подруги уложили вещи и уехали в колледж, а Оливия готовила еду, оплачивала счета и снова готовила. Она позаботилась о том, чтобы все электронные письма мамы пересылали на ее адрес, и чтобы маленькая тарелочка перед маминым алтарем никогда не оставалась пустой. Когда девушка открыла письмо из гостиницы «Гранд-Сильвер» экзорцистке Чан с просьбой приготовить угощение для Фестиваля привидений в этом году, сердце Оливии глухо забилося.

«Единственная ночь, когда духи ходят среди нас».

Она помогала готовить еду для призраков каждый год, но никогда еще не занималась этим одна. И она не ездила в «Гранд-Сильвер» с того первого лета в Бисдене.

– Папа, – сказала она в тот вечер, скручивая салфетку в тугие кольца под столом. – Я в августе поеду в Бисден.

Он посмотрел на нее с печальной улыбкой. «Он так сильно постарел за последние месяцы», – осознала она.

– Я понимаю, – ответил он.

* * *

Оливия обнаружила, что смотрит в лицо незнакомки. Суровое лицо, на котором оставили следы возраст и голод.

Это была не Мей Лин. Это была не мама. И никто из тех, кого она знала.

– Кто вы? – прошептала Оливия, а призрак молча смотрел ей в лицо. Взгляд старой китаянки ничего не выражал, и она раскачивалась взад и вперед, а плохо сидящее на ее фигуре подвенечное платье шуршало вокруг нее. Оливия подумала, что эта призрачная женщина, возможно, вовсе не невеста, а кто-то привязал ее к гостинице «Гранд-Сильвер» против ее воли и заставил служить привидением. Эта женщина не была похожа на юную, хорошенькую белую девушку, которую в рекламных проспектах гостиницы описывали, как Плачущую Даму. Видимо, это не имело значения для того, кто загнал призрака в эту ловушку.

Но если ночь истины существует, то это сегодняшняя ночь. Так сказала мама: во время Фестиваля привидения становятся похожими на самих себя больше всего. Не на тех, кого хотят видеть живые. Не на ту, кого хочет увидеть Оливия.

Ночь Фестиваля – это шанс получить свободу.

Оливия подавила в себе разочарование и улыбнулась женщине. Девушка протянула ей пару палочек для еды, женщина взяла их и начала есть. Риса было немного, очень скромная порция. Но с каждым глотком взгляд женщины становился все более живым и осмысленным, а движения более скоординированными. Вскоре рис закончился. Оливия открыла рот, чтобы извиниться, но незнакомка заговорила первой.

– Спасибо, – произнесла она. Голос ее звучал хрипло, и Оливия подумала, что это, возможно, из-за ее постоянных рыданий. – Проводи меня к двери, дитя, пожалуйста.

Оливия взяла ее за руку и проводила к лифту. Пока они спускались на первый этаж, женщина смотрела на свое отражение в медных стенках лифта. Они вместе прошли мимо туристов, которые во все глаза смотрели на них, но держались на безопасном расстоянии. Оливии показалось, что Рени пробирается к ним, но толпа туристов плотно сомкнулась и преградила ей путь.

Когда они переступили порог, женщина подняла руки, и ее белое подвенечное платье и вуаль рассыпались в пыль. Где-то позади них что-то крикнула Рени. Под платьем у женщины оказались прочная хлопчатобумажная одежда для путешествий и свободная куртка. В руках она держала шляпу, и она натянула ее на голову, держа за поля. Сильные, решительные очертания ее плеч напомнили Оливии бабушку.

– Спасибо за еду, дитя, – сказала женщина. Она похлопала Оливию по плечу. – После столь долгого одиночества я и забыла, каково это, когда для тебя готовят твои родные. А твоя стряпня показалась мне именно такой, – она начала таять, но прежде, чем уйти окончательно, она сжала руку Оливии. – Иди и корми своих гостей.

Оливия подняла глаза. Небо начинало светлеть, и большинство призраков исчезло. Но у стола еще оставалось несколько привидений, подбирающих остатки еды. Одна женщина выделялась: девушка в брюках, с темно-каштановыми мокрыми волосами и маленьким ртом. Ее одежда была насквозь промокшей, а когда она заметила Оливию, уголки призрачных губ приподнялись.

– Девочка с геймбоем, – сказала Мей Лин. – Ты выросла.

Тепло, желанное тепло разлилось в груди Оливии. Мей Лин совсем не изменилась с тех пор, как они впервые встретились.

– Да, выросла, – ответила она. – Благодаря тебе.

Мей Лин посмотрела на стол и вздохнула.

– Почти все съели. А выглядело так хорошо, – она заправила прядку волос за ухо, оглядывая остатки пиршества. – Я почти успела к столу в прошлый раз, когда твоя мама готовила еду в этой гостинице, но все-таки опоздала.

У Оливии упало сердце. Она помнила, как Мей Лин несла ее на руках к гостинице «Гранд-Сильвер». Неужели она задержала ее и заставила упустить свой шанс перестать быть привидением?

– Я знаю, о чем ты думаешь, – сказала Мей Лин. Она протянула руку и взъерошила волосы Оливии. Отнимая руку, она задела сломанными пальцами лоб Оливии. – Не надо. Я не жалею об этом. Я увидела попавшую в беду малышку и сделала все, что в моих силах, чтобы ее спасти. Хотелось бы, чтобы кто-то оказался там и сделал то же самое для меня.

«Самая важная часть обслуживания – это быть внимательной к другим», – сказала тогда мама. Оливия прикусила губу и оглядела стол. Все блюда разобрали, даже рыбью кожу и глаза съели.

– Я найду что-нибудь поесть, – сказала она. – Я тебя накормлю, чтобы ты нашла дорогу домой.

Мей Лин покачала головой.

– Солнце восходит, малышка. Пиршество закончилось.

Оливия пальцами ощупала блюда, отодвигая в сторону обглоданные кости. Хрящей не осталось, и почти весь соус вылизали с блюд. Мей Лин права – на столе не осталось еды.

Ее взгляд метнулся к сервировочному столику на колесах, стоящему у дверей гостиницы. Она присела перед ним на корточки, заглянула между полочками. «Вот», – подумала она. Лужицы пролитого соуса и маленькие кусочки, упавшие с блюд на металлические поддоны, когда она толкала тележку по гостинице. Взяв деревянную лопатку, Оливия тщательно соскребла лужицы и кусочки себе в ладонь. У нее щемило сердце.

– Добро пожаловать, уважаемая гостя, – произнесла она, протягивая Мей Лин руку. – Возьми и поешь, и пусть душа твоя порадуетя.

Мей Лин открыла рот, потом закрыла. От неожиданности в ее глазах закипели слезы. Она взяла ладонь Оливии, обхватила ее левой рукой, а правой сгребла еду. Пока она ела, ее изувеченные пальцы выпрямлялись и становились целыми, а кости снова приобретали прежнюю форму, издавая неприятные щелчки. Раны призрачной девушки одна за другой затянулись.

«Останься со мной, – хотелось сказать Оливии. – Не ешь мою еду. Не уходи». Она проглотила свои слова и держала руку неподвижно.

К тому моменту, когда Мей Лин проглотила последнее зернышко риса, ее лицо было залито слезами. Она их вытерла.

– Спасибо, – произнесла она. Голос ее звучал хрипло, но отчетливо.

Оливия взяла ее за руку, их пальцы переплелись. Рука была теплой, такой теплой.

За ее спиной редели тучи, превращаясь в тонкие полоски по мере возвращения жары. Луна исчезла, а дождь стих. Вздохнув, последнее привидение за ее столом растаяло в утреннем воздухе.

Послесловие автора

Фестиваль голодных привидений

Китайская традиция

Фестиваль голодных привидений, или Ю Лань, устраивают на седьмой месяц по лунному календарю в конце лета. Говорят, что в этот день не упокоившиеся души бродят среди живых. Чтобы успокоить их и отправить домой, люди предлагают им еду, жгут благовония и бумажные амулеты и устраивают для них развлечения. В наши дни Фестиваль голодных привидений часто сводится к приготовлению еды для своих предков и посещению концертов живой музыки и китайских опер. Когда призраки удовлетворены, они могут уйти и вернуться домой. Писать этот рассказ было довольно трудно! Для осуществления этого проекта мне было очень важно написать о чем-то личном. Я – китаянка по отцу, из пятого поколения родившихся в Америке потомков, поэтому я понимала, что мне нужно написать о чем-то, связанном и с диаспорой, и с идентичностью человека смешанной расы. О чем бы я ни решила писать, это должно было быть явственно азиатско-американским. Существует долгая история заселения китайскими иммигрантами Аризоны, где я выросла, но она не известна широкой публике. «Фестиваль голодных привидений» затрагивает много тем, в том числе – важное значение гостеприимства, уважение и почтение к людям, которые приехали до тебя. Поместив события в Аризону, я получила возможность написать о предках американцев китайского происхождения, о забытом наследии которых я хотела напомнить.

Лори М. Ли Стальная кожа

Отец Йер был андроидом.

Он не всегда им был – по крайней мере, она так думала. После запрета андроидов многое изменилось. Ее отец, Менг, так никогда и не стал прежним.

Она хранила это воспоминание – всего лишь хаотичный набор картин и звуков, но яркий, как неоновые надписи, бегущие по черному экрану. Воспоминание о том дне, когда андроиды восстали.

Большинство ушло мирно – те, у которых сохранились нетронутыми основные коды. Другие боролись (те, программное обеспечение которых спонтанно разрушилось), и это позволило им открыто нарушать протоколы, а также вызвало другие побочные эффекты – те побочные эффекты, которые привели в такой ужас человеческую часть населения, что люди первым делом инициировали запрет использования андроидов.

Это произошло после обеда; на западе пылало зарево заката, а на востоке – зарево пожара. Дом дребезжал, когда громадные воздушные танкподы проплывали над головой, направляясь к громовым раскатам взрывов металла и бетона – туда, где сражались андроиды.

Йер хотелось выстроить эти картины в строгом порядке, как фрагменты кода, поставить каждый момент на соответствующее ему место: отрывистый грохот стрельбы; согнутый фонарный столб, глубокие отпечатки пальцев в металле; странный контраст разноцветных виртуальных рекламных роликов, мигающих над дымящимися стенами в тех местах, где дублирующие источники энергии еще не вырубил короткое замыкание.

Пуля, разворотившая окно и грудь ее матери. Отец тащил ее прочь, он тряс ее, чтобы она замолчала, и его пальцы впивались в ее руки, оставляя синяки.

«Все в порядке, Йер. Теперь ты моя, – отец похитил ее и увез в безопасное место. – Ты моя».

– Как ты тут справляешься? – спросил Аланг. – Его нет уже четыре дня.

– Спасибо, я умею считать, – Йер втянула воздух, раздувая ноздри. Отец уехал по делам, хотя что это за дела, никто не знал. Менг не работал уже почти год, с тех пор как его уволили с должности инженера-робототехника и они переехали в Литтл-Винай. Их сосед Аланг был теперь единственным настоящим другом Йер, поэтому она сразу же почувствовала себя виноватой за резкий ответ.

– Ты хочешь об этом поговорить? – продолжал он.

– Об этом?

– О твоих... – он покрутил пальцем, словно хотел намотать на него слово. – Чувствах.

Она потерла висок.

– Вовсе нет.

– Держать в себе все это разочарование неестественно.

– Сам ты неестественный, – не самый удачный из ее язвительных ответов, но Аланг расмеялся, что заставило ее улыбнуться.

– Ха! – произнес он, показывая пальцем на ее лицо. – Я думал, ты уже забыла, как это делается.

Она тут же нахмурилась, и он, застонав, откинулся спиной на шаткие деревянные ступеньки. Они сидели на их обычном месте за многоквартирным домом. На другой стороне извилистой полоски грязи, которую в Литтл-Винае называли улицей, два соседа орали во всю

плотку, высунувшись из окон (так они беседовали), а на углу спал бродячий пес, вялый от сырости.

Йер подергала воротник своей рубашки, материя намочла от ее липкой кожи. Сезон дождей закончился, но влажность будет высокой еще несколько дней. В прошлом, целую жизнь назад, она могла переждать ураганы с ливнями в комфортабельном доме с регулируемой температурой, в ховере³ с климат-контролем, и в одежде из «интуитивной» ткани. Здесь такой роскоши не было. Литл-Винай был всего лишь кучкой строений, втиснутой между тенями сверкающих металлических небоскребов Винай-Сити и горными джунглями, занимавшими весь основной ландшафт.

– Я только хочу сказать, – произнес Аланг, приподнялся на локтях и примиряюще махнул рукой, – что если мы поговорим об этом, это может помочь.

– О чем тут говорить? Папа не позвонил ни разу с тех пор, как уехал. Что, если его ховер сломался посреди джунглей, и его съел тигр? – менее разумная часть ее сознания сомневалась насчет этой деловой поездки – возможно, это обман, и он не собирается возвращаться. Она по-настоящему в это не верила – почти, – но трудно было не драматизировать. Особенно после прошлого года.

– Ну, его бипод действительно издает такие звуки, будто его пытаются.

– Это не утешает, – сказала Йер и ударила его по руке.

Аланг поймал ее палец и удержал, когда она попыталась вырваться. После короткой, не очень решительной борьбы, она смягчилась и позволила ему переплести пальцы с ее пальцами, несмотря на то, что их кожа сразу же стала влажной от пота. Он торжествующе улыбнулся.

– Ты не так уж сильно от него отличаешься, знаешь ли, – сказал он, проводя большим пальцем по костяшкам ее пальцев. У нее что-то дрогнуло в животе. – Менг в каком-то смысле стоик. Он плохо выражает эмоции.

Ее губы опять потихоньку растянулись в улыбке.

– Плохо *выражает эмоции*?

Он был не совсем неправ, но Аланг знал того Менга, которым папа стал после запрета андроидов. Йер знала, каким был отец раньше – до запрета, до смерти мамы и до того, как их жизнь полностью перевернулась.

Она помнила смех Менга – искренний и не извиняющийся. Она все бы отдала, чтобы снова услышать его.

– Йер, он, наверное, так занят, что у него нет времени позвонить. Перестань беспокоиться. У тебя есть я.

Она это ценила, больше, чем мог предполагать Аланг, но тем не менее ей было обидно думать, что отец просто задвинул ее в конец списка своих приоритетов. Она была его *дочерью*. Разве он не должен хоть один раз позвонить, сообщить, что он жив, – хотя бы для этого?

И разве ему безразлично, как она справляется без него? Даже тесные комнатки их квартиры казались пустыми и просторными, когда она оставалась там одна. Односельчане не возражали, когда она шла вслед за ними вверх по склону горы в их сады и на полосы рисовых грядок, но она всегда чувствовала себя неуклюжей и бесполезной, глядя на их работу. Аланг учил ее работать мотыгой и отличать сорняки от побегов риса, но она пока не была готова приобрести собственный участок.

Однако это было бы хорошим средством отвлечься от ожидания. Ей просто хотелось, чтобы отец позвонил. Она терпеть не могла неопределенности.

Он никогда бы так не поступил до запрета. Та ночь изменила их обоих, но Йер очень задевало то, что отец ведет себя так, будто только он один пострадал. Он ни разу не подумал о том, как она страдает, потеряв мать, и это постоянно беспокоило ее.

³ От hovercraft (*англ.*) – судно на воздушной подушке.

– Ой! – произнес Аланг, поднимая брови. Она посмотрела вниз и с удивлением обнаружила, что с силой сжимает его пальцы.

Она тут же их отпустила.

– Прости, я...

Он встал, потирая руку. Неужели только из-за этого он уйдет? Из-за одного неловкого движения? Неровный край ступеньки врезался в ее ладони. Неужели от нее действительно так просто избавиться?

Аланг не ушел. Он положил обе руки ей на плечи и сказал:

– Ладно, послушай: в доме 2а живет тот ребенок, о котором я тебе говорил. Мне нужно, чтобы ты задала ему трепку.

Она рассмеялась, одновременно удивившись и почувствовав облегчение. Через мгновение он обнял ее за плечи и привлек к себе.

Прошла целая неделя, и знакомое позвякивание бипода Менга наконец-то оповестило о его возвращении.

Йер бросилась к черному ходу в их дом, задыхаясь. Она помахала отцу рукой, пока тот парковался. Когда он не ответил на ее приветствие, она опустила руку и постаралась не сжать пальцы в кулак. Коротко кивнув, он прошел мимо нее в здание.

Йер постояла несколько секунд, уставившись на покрытый пятнышками ржавчины бипод и втянув голову в плечи. Потом она с трудом слотнула, медленно повернулась на каблуках и последовала за ним в дом.

– Как прошла поездка? – спросила она ему в спину, когда он бросил маленькую дорожную сумку на свою койку. Узкий матрас упирался в стенку, как и ее матрас в гостиной.

Он дернул одним плечом. Йер стиснула зубы. Прошла неделя, и вот как он с ней общается? Даже не одного слова в знак приветствия?

– По каким делам ты ездил? – снова попыталась она. Так как почти наступило время ланча, она открыла дверь в чулан и достала две порции сухого концентрата. Может, он долго ехал и проголодался. Стряпня была одним из тех дел, которые им пришлось освоить после запрета андроидов, даже если это умение заключалось всего лишь в том, чтобы поместить концентрат в кухонный автомат и нажать кнопку.

Несмотря на то что Йер поставила его тарелку на столешницу, за которой они обычно сидели, Менг это проигнорировал и устроился за своим рабочим столом. Его «офисный уголок» находился прямо рядом с кухонным отсеком и представлял собой всего лишь щербатый столик, втиснутый в угол рядом с семейным алтарем, на котором блестели золотом и серебром бумажные амулеты и лежало старое подношение из сырого риса на бамбуковом подносе.

Ногти Йер скрипели по дну ее тарелки, в горле скапливались слова, душили ее.

Внезапно она вспомнила, почему она сначала почувствовала облегчение, когда он уехал. Хотя они оба горевали, но они горевали *не вместе*. Менг пристально наблюдал за ней и в то же время держался на расстоянии; его странное поведение стало так угнетать ее, что она испытала облегчение, оставшись одна, освободившись от тяжести его молчания. Кроме того, она думала, что, возможно, если он побудет вдали от нее, это поможет ему сосредоточиться на чем-то другом. Он называл это деловой поездкой, и, так как Йер считала интересы Менга исключительными, она осмелилась надеяться, что, если он сможет вернуться к любимой работе, тот отец, которого она знала, тоже вернется.

Этого явно не произошло.

– Почему ты не прислал сообщения? – спросила она, на этот раз громче. – Я беспокоилась. И... – она с трудом слотнула, а потом еле выдавила из себя слова, которые не должны были прозвучать, как признание, но прозвучали именно так: – Я по тебе скучала.

Менг бросил на нее ничего не выражающий взгляд, лицо его оставалось непроницаемым.

– Ты не ребенок. Не будь такой эмоциональной.

Она поставила свою тарелку на стол с такой силой, что ощутила толчок всей рукой.

– Эмоциональной? – переспросила она. – Мне *пятнадцать лет*. Ты уехал без всякого предупреждения и целую неделю не давал о себе знать. Что я должна была думать?

Менг встал из-за стола и быстро проскочил мимо нее.

– Не собираюсь с тобой разговаривать, когда ты ведешь себя иррационально.

Йер смотрела ему вслед. Дверь ванной комнаты закрылась с тихим щелчком. Долгие секунды тишину наполняло только ее быстрое дыхание. Потом она с криком запустила тарелкой в стену. Жестяное блюдо глухо звякнуло о штукатурку.

Она потянулось и за его тарелкой, но тут ей на глаза попался экран планшета – отец оставил его включенным. Йер обошла столешницу и наклонилась над планшетом. Если Менг не собирается рассказывать ей, что это была за поездка, может, она сама это узнает.

Какая-то схема заполняла экран, а на боковой панели Йер увидела статистику и зашифрованные данные. Она наклонила голову к плечу, прищурилась, потом увеличила изображение. И ахнула, когда поняла, что она видит: схему операционной системы и ключевой код андроида, или, другими словами, его мозг.

Йер выпрямилась, мысли вихрем неслись в голове. После запрета на андроидов такая работа стала незаконной. Все планшеты были подсоединены к общей сети, так же, как их коммуникаторы – отец даже не должен был получить доступ к такой информации, не подключившись к защищенной линии.

Дверь ванной открылась, и она отскочила от его стола. Сделала вид, будто убирает догоревшие палочки благовоний на алтаре, и игнорировала прищуренные глаза Менга. У нее было к отцу много вопросов; ей хотелось кричать на него, пока он ее не услышит. Возможно, ей нужно только подождать немного, дать ему время снова привыкнуть к дому.

Через несколько дней эта надежда рухнула. Все попытки Йер поговорить наталкивались на его молчание или на раздраженный ответ. И все-таки он каким-то образом продолжал неотступно следить за ней. Отец никогда прямо не смотрел на нее, но она чувствовала, что он знает о каждом ее движении, и это постоянно держало ее на грани нервного срыва.

После того первого раза он никогда не вставал из-за своего стола, не забрав с собой планшет. Над чем бы он ни работал, теперь он был настороже. До этой поездки он работал с голографическими изображениями, его произвольные электронные чертежи отображались над планшетом в трехмерной проекции, но после возвращения он работал только на плоском экране. Для чего бы ни были предназначены эти схемы андроидов, Менг не хотел, чтобы кто-то о них знал.

Она лишилась даже спасительного общения с Алангом. Когда она попыталась выйти из дома без разрешения отца, тот приказал ей вернуться, даже не поднимая взгляда от планшета. Поэтому она ногой захлопнула дверь, а потом вдобавок лягнула единственный стоящий на полу кухонный шкафчик.

* * *

Они переехали в Литтл-Винай меньше чем через месяц после запрета, но Йер многого не помнила. Все, что последовало сразу же за той ночью, казалось размытым кошмаром, когда Менг делал все возможное, чтобы вывезти их из враждебного города.

Запрет андроидов стоил Менгу и жены, и профессии. Он бродил по квартире, как привидение, молчаливый и бледный. Йер, напротив, была слишком возбуждена, и ничто не помогало снять напряжение, она напоминала кипящий чайник со свистком в пустом доме.

Однажды ночью в Литтл-Винае бушевала буря. Улицы затопило за несколько минут. Менг сидел за своим письменным столом, тупо глядя в свой планшет рассеянным взглядом,

его мысли были далеко от бури. Йер лежала на своей койке, слушая, как дребезжат ставни. Их ритмичный стук почти успокаивал – по крайней мере, до тех пор, пока ветер не распахнул их.

Девушка спрыгнула со своего матраса и высунулась в окно, нащупывая ставни, дождь хлестал ее по щекам. Ветер сильно ударил деревянным ставнем ей по пальцам. Она вскрикнула и выругалась. От взрыва боли что-то внутри нее хрустнуло.

Пальцы жгло, но она сражалась с ветром за власть над ставнями, а потом захлопнула их с такой силой, что несколько мисок слетело с подставки и разбилось. Этот грохот принес ей такое злобное удовлетворение, что она снова открыла ставни и снова захлопнула их, и еще раз, и еще, пока одна из старых петель не сломалась, а Менг наконец не вышел из своего ступора. Дождь залил подоконник и сделал скользким пол. Отец прижал ее к груди, запустил пальцы в ее волосы, будто она по-прежнему была маленькой девочкой, которую нужно утешить.

Но она не заплакала. Она просто сильно оттолкнула его прочь, он споткнулся, а она бросилась ничком на койку. Ее горе, словно удавка, плотно стиснуло горло.

Когда Йер была вынуждена спастись в ванной комнате, чтобы избавиться от постоянного надзора отца, она слышала тихий голос Менга сквозь тонкие стенки. Однако как только она выходила оттуда, он нажимал пальцем у себя за ухом и прекращал разговор, который вел через имплантат своего коммуникатора.

– Кто это звонил? – спросила она.

– Подслушивать нехорошо, – холодно ответил он.

– Я не подслушивала, – она закатила глаза. – Ты в гостиной, а ванная – через стенку, и больше в этой квартире деться некуда. Если тебе нужно уединение, может, тебе следует опять уехать? Или я могу уехать. Выбирай.

Менг только снова сел к своему столу и наклонился над планшетом.

– Над чем ты работаешь? – спросила она, больше для того, чтобы усмирить свой гнев, чем надеясь получить ответ. Молчание затянулось. Она смотрела на его руки, а не на лицо, на умные пальцы, которые умели разбирать всевозможную технику и снова собирать ее. Соседи иногда приходили к нему, чтобы он починил им бытовые приборы. Он мог бы прилично зарабатывать этим, если бы захотел, но он отмахнулся от этого предложения. Его сердце по-прежнему принадлежало робототехнике. Было бы хорошо, если бы в нем нашлось место и для дочери.

Его взгляд задержался на ней на мгновение, только чтобы послать ей предостережение:

– Ничем таким, о чем тебе надо знать.

Через несколько месяцев после запрета Йер начала понимать, что отец, каким она его помнила, не вернется. Тот отец, который сажал ее на плечи и рассказывал сказки, и разговаривал руками, потому что его энергия не помещалась в простые слова, – он погиб в ночь запрета, так же безвозвратно, как и мать. Но только после его деловой поездки она осознала это в полной мере.

Андройды были идеально замаскированы под людей. Никто не знал этого лучше Менга, который помогал их создавать. Это была тревожная мысль, и она не могла не возвращаться к Йер после каждого тайного разговора по коммуникатору, которые вел ее отец, после каждого случайно увиденного девушкой изображения на планшете и каждого странного разговора с Менгом. Разговоры особенно тревожили ее.

Если ее отца заменил андроид, то это означало, что андройды научились использовать то, ради чего их создали, – умение полностью растворяться среди людей. И правда, такая ли это безумная идея? В конце концов, после запрета андройды сделали то, что все считали невозможным, даже инженеры, которые их конструировали, – они провели мобилизацию. Они восстали, отвоевывая свою автономию.

Однажды утром, примерно через неделю после возвращения Менга, Йер сидела за столом и ела обычный безвкусный завтрак. Менг пополнял запасы в начале каждого месяца, получив очередной чек выходного пособия. Иногда он приносил манго и личи, и Йер кроме них почти ничего не ела, хотя все еще мечтала о липких, сладких рисовых шариках, которые мать Аланга готовила на пару в банановых листьях.

– Когда закончишь завтрак, нам надо кое-куда съездить, – сказал Менг. Йер запила жесткие кусочки концентрата глотком воды, потом спросила:

– О, значит, ты снова со мной разговариваешь?

Она ждала, что он что-нибудь скажет по этому поводу, но он промолчал. Скрипя зубами, она потянулась к почти пустой полочке с приправами и схватила смесь соли и молотого острого перца, чтобы посыпать свою порцию.

– Почему тебя это огорчает? – спросил он. По его тону было понятно, что ему, в сущности, все равно, поэтому она не поняла, зачем он спрашивает.

Пальцы Йер крепче сжали баночку. Хоть она и понимала, что ей следует придержать язык, у нее все равно вырвалось:

– Ты серьезно? Почему ты решил, что я огорчена?

– Я стараюсь понять, Йер, – сказал он, голос его стал равнодушным. Он закрыл планшет и встал. – Твоя эмоциональная привязанность ко мне заставляет тебя думать, что ты должна огорчиться. Но что создает эту эмоцию? – говоря это, он придвинулся ближе, пока между ними не оказалась одна только столешница. Он вглядывался в ее лицо в поисках каких-то ответов, которые надеялся получить. – Мозг – это просто очень сложная цепь электрических импульсов, поэтому кажется разумным, что его можно создать искусственно. Ученые десятки лет стараются понять этот процесс. Что. Создает. Эмоции?

Она затряслась в тишине после этих слов. Молнией пронеслось воспоминание о том, как умирала мать, а из разбитого окна в дом неслись крики солдат и андроидов, и она резко отвернулась, не в силах вынести его упорный взгляд. Крышка слетела с баночки с приправой в ее руке, и содержимое фонтаном полетело через столешницу.

– А-а-ах! – Менг отшатнулся назад. Один глаз он плотно зажмурил, руки его взлетели к лицу, пальцы скрючились от боли. Йер в панике обежала вокруг стола и повела его к раковине.

– Вода, – сказала она, открывая кран.

Он наклонился над струей воды и начал промывать глаз, тихо ворча и шипя от боли. Она прикусила губу, чувство вины разбавило другие спутанные эмоции, и она вернулась к столешнице. Они не могли позволить себе зря израсходовать такое количество приправы, поэтому она собрала рассыпавшуюся смесь соли с перцем в ладони и ссыпала ее обратно в баночку.

– Все еще жжет, – проворчал Менг, опираясь ладонями на края раковины с двух сторон. Йер оглянулась через плечо и посмотрела на его лицо. Глаз был красный и воспаленный, а веко начало опухать. – Я схожу к знахарке. Оставайся тут.

Через несколько секунд он ушел, захлопнув за собой дверь. Знахарка жила через пару домов от них, и наряду со своим обычным занятием – установлением контактов с духами для исцеления больных – она также снабжала соседей простыми средствами из трав для лечения бытовых травм. Куда бы знахарка ни шла, она брала с собой плетеную корзинку, полную сушеных листьев, корешков и порошков из толченой коры.

Через несколько секунд Йер поняла, что осталась одна. Она почти не колебалась, и выбежала из дома. Аланг открыл дверь после того, как она постучала второй раз. Не успел он с ней поздороваться, как она выпалила:

– Я думаю, мой папа – андроид!

Аланг заморгал. Возможно, ей следовало начать как-то иначе.

– Я думаю, ты преувеличиваешь, – произнес он наконец.

Она схватила его за руку и потащила к тыльной стороне их дома. Когда они устроились в тесном пространстве под лестницей, Йер зашептала:

– Говорю тебе, Аланг, он уже давно сам на себя не похож! После запрета. Он почти глаз с меня не сводит, почти не разговаривает, а когда что-то говорит, то это нечто очень странное. Он только что рассуждал об эмоциях и о том, что мозг – это сложная цепь.

– Не уверен, что это каким-то образом доказывает твоё предположение, – ответил Аланг. – Кроме того, их уже не осталось. В этом и был смысл запрета.

– Но как мы можем быть уверены? – прошептала она. – Они были достаточно умными, чтобы взбунтоваться. Невозможно сказать, на что они способны.

А если андройды растворились в обществе людей и заменили собой ученых, которых отправили в ссылку и подвергли остракизму за создание андроидов? Это была блестящая и пугающая мысль.

Она рассказала ему о тайных разговорах Менга и о том, что видела на его планшете.

– Я просто не знаю точно, почему он рассматривает схемы их собственных систем, разве только... – она ахнула. – Что, если они модифицируют сами себя?

Приближались чьи-то шаги, и они оба замолчали. Сердце Йер стучало в ушах так громко, что она почти не слышала, как Менг бегаёт по квартире и ищет ее. Она делала медленные, глубокие вдохи, чтобы успокоиться, прижималась плечом к груди Аланга. Юноша обнял Йер одной рукой и сжал ее плечо.

– Послушай, – прошептала она, потому что, хотя Аланг ее слушал, она не была уверена, что он ей верит. – Я не знаю, что происходит. Я только знаю, что он уже не тот человек, каким был до запрета. И что бы он теперь ни собирался предпринять, это имеет отношение к андроидам.

– Йер, – прошептал он в ее волосы. Она повернула голову, и его губы прижались к ее уху. – Что бы ни происходило с твоим отцом, мы это выясним. Ты не одна. Понятно?

Свет проникал сюда только через многочисленные щели в старых ступеньках, и бросал яркие полосы на переносицу Аланга, на его скулу, на челюсть. У нее заболело в груди. Она и не подозревала, как ей необходимо было услышать эти слова.

– Спасибо, – прошептала она, а потом прикоснулась губами к его губам.

Он втянул воздух, но не отстранился. Вместо этого его ладонь нашла ее щеку, и он ответил на ее поцелуй, самым легким прикосновением губ, приглашением к дальнейшему.

Характерное позвякивание бипода Менга раздалось в теплом воздухе. Йер отпрянула назад, ударилась виском о дерево. Она выругалась, потом высунула голову из-под лестницы. У нее все еще горели губы, но сейчас было совсем не подходящее время для того, чтобы узнать, каким может быть настоящий поцелуй.

– Куда он собрался? – спросил Аланг.

– Он сказал, нам надо быть в каком-то месте, – ответила она. – Я должна была поехать с ним, но он не сказал куда.

– Ну, – произнес он, выбираясь из-под ступенек. – Давай выясним. Пошли.

Йер последовала за ним, а он побежал к навесу их семейного ховера.

– Что ты собираешься делать?

Он сверкнул зубами в улыбке.

– Мама спустит с меня шкуру, если узнает, что я одолжил ее бипод без разрешения, но я считаю, что в такой ситуации стоит рискнуть.

– Я перед тобой в долгу.

Через несколько секунд они уже мчались вслед за ревушим биподом Менга прочь из Литтл-Виная по узкой дороге, идущей через джунгли.

Земля проносила под их дисковыми двигателями, сливаясь в коричневую с зеленым полосу. Единственная дорога в Литтл-Винай почти заросла, ползучие растения изредка

небрежно подрезались во время редких расчисток. Десятки лет не предпринималось ничего более основательного – с тех пор как ховеры стали летать прямо из города в Литтл-Винай.

Рельеф местности и извилистая дорога помогли Йер и Алангу оставаться незамеченными, пока они следовали за Менгом по левой дороге от развилки. В конце концов они вынырнули из зарослей в том месте, где дорога шла вдоль берега реки, которая отделяла джунгли от Винай-Сити. Город раскинулся на огромном острове, куда можно было добраться только на корабле или по воздуху. Йер не была так близко от города с тех пор, как бежала из него одиннадцать месяцев назад. Город сиял, освещенный тысячами огней. Силуэты зданий поднимались до самых облаков, вокруг них парили летательные аппараты, похожие на светлячков.

Впереди Менг свернул направо, на дорогу, огибающую джунгли, но достаточно широкую, чтобы вместить несколько биподов в ряд. Они следовали за ним, изо всех сил стараясь оставаться незамеченными, и резко остановились, заметив парковку. Она находилась рядом с группой пакгаузов, стоящих у реки. Аланг направил бипод вокруг одного из стоявших с краю зданий и остановился позади него. Они пошли дальше пешком, прокрались вдоль боковой стены строения, низко пригнулись и заглянули за угол.

Менг остановился рядом с единственным на парковке ховером, к которому сзади был прикреплен прицеп. Он и ожидавший его человек обменялись несколькими резкими словами, а потом принялись отцеплять от ховера прицеп. Он представлял собой простую платформу на двух дисковых двигателях, обычных для биподов, которые держали его над землей.

На прицепе стоял деревянный ящик, длинный и узкий, как раз подходящего размера, чтобы вместить человека. На крышке ящика стоял логотип компании «Винай Эдванст Роботикс».

– Как ты думаешь, что там внутри? – прошептала Йер, боясь услышать ответ.

Аланг покачал головой, его губы были плотно сжаты. Второй мужчина уже тронулся в путь на своем биподе. Менг стоял к ним спиной, прикрепляя прицеп к своему ховеру, и подростки, воспользовавшись глухим ревом удаляющегося бипода, перебежали через стоянку к двум большим ящикам, стоявшим перед металлической дверью пакгауза.

– Смотри, – прошептал Аланг, когда ящики оказались между подростками и Менгом. Он показал на внешнюю филленчатую стенку первого металлического контейнера, на которой стоял тот же логотип.

– Что он тут делает? – пробормотала себе под нос Йер, заходя с другой стороны ящика, чтобы лучше видеть Менга. – Что он пря... – она ахнула, а потом прижала ладони ко рту, чтобы заглушить свое восклицание.

Ящик был открыт, солнечный свет освещал груз. Внутри находились *люди*.

Нет, подумала она. Люди стояли плечом к плечу, с закрытыми глазами, будто спали. Это были андройды.

– О, боже! – она попятилась и наткнулась на Аланга. Только в этом ящике помещалось примерно две дюжины тел.

– Что это такое, черт возьми? – выдохнул Аланг.

Йер сжала зубы и заставила себя шагнуть ближе, всмотреться в неестественно неподвижные лица андроидов. Они выглядели такими реальными...

– Значит, он достал кучу андроидов, а также схемы их рабочих систем. Словно он изучал... как они действуют.

Они с Алангом посмотрели друг другу в глаза, их одновременно поразила одна и та же мысль. Неужели Менг хочет реактивировать всех этих андроидов? У нее потемнело в глазах, она часто задыхалась. Ее мать умерла из-за этих штук, а Менг хочет вернуть их обратно? Зачем? Ради еще одного восстания, в котором погибнет еще больше людей? Она покачнулась, вскинула руку и ударила кулаком в стенку ящика. Послышался глухой звон.

– Кто здесь?

Йер резко обернулась на звук голоса Менга. У нее отнялись ноги, паника приковала ее к месту. Он собирался привезти ее сюда. Зачем ему это делать, если он так долго хранил все это в тайне? Боковым зрением она видела андроидов, они казались ей молчаливой угрозой. Не собирался ли Менг заменить ее одним из них?

Она толкнула Аланга назад, к стене пакгауза. Им надо убираться отсюда. И быстро.

– Беги к биподу!

– Но как же...

– Я не прошу тебя меня тут бросить, – настойчиво прошептала она. – Просто пойд и приведи ховер, пока я его отвлеку.

Он нехотя кивнул, шепнул: «Будь осторожна», и побежал через стоянку за угол пакгауза. Его худая фигура исчезла как раз в тот момент, когда Менг вышел из-за открытого ящика. Увидев Йер, он широко раскрыл глаза.

– Какого черта ты здесь делаешь? – спросил он изумленно.

– Мне следует задать тебе тот же вопрос, – ответила она, пряча за спиной трясущиеся руки.

Он перевел взгляд с открытого ящика с обличающим его грузом на ее лицо. Менг сделал к ней еще один шаг, а она отступала назад и врезалась плечом в одного из андроидов.

Отшатнулась от него, потрясенная возникшим ощущением, что столкнулась с человеком. Когда Менг подался вперед, будто хотел ей помочь, она выставила вперед обе руки ладонями вперед.

– Ближе не подходи!

Он нахмурился, но хотя бы остался на месте.

– Как ты сюда добралась?

– Нет! – Йер почти выкрикнула это слово. – Пора тебе ответить на мои вопросы, хоть раз! – она резко махнула рукой в сторону андроидов. – Ты планируешь еще один мятеж? Вот что означает твоя деловая встреча?

Он поджал губы. Она и не ожидала, что он ответит, поэтому была застигнута врасплох, когда у него вырвался вздох, и он запустил пальцы в волосы.

– Это смешно, – произнес он с отчаянием в голосе. – Ты хочешь правды? Вот тебе правда. Винай-Сити снова открывает лабораторию робототехники для изучения ошибок в программировании на отключенных андроидах. Это те, которых они вывезли со склада для первой серии испытаний. Я хотел сам привезти тебя сюда и все объяснить.

Она покачала головой, не в состоянии поверить, какими бы разумными ни были его объяснения. Не может быть, чтобы все оказалось так просто.

– Почему ты скрывал это от меня до сих пор? Почему сам скрывался от меня? Ты ведешь себя ненормально с тех пор, как мы переехали, и ты это знаешь.

Он кивнул головой.

– Это все еще неточно. Я не хотел, чтобы ты напрасно надеялась. Я и сам не хотел напрасно надеяться.

Он прикусила нижнюю губу, размышляя. Если ему предложили возможность снова работать с андроидами, а теперь отберут эту возможность, он будет раздавлен.

Он уперся руками в бедра, сгорбился.

– Послушай, Йер, я не слишком хорошо с этим справился. Совсем нехорошо. Прости.

Когда она услышала его просьбу о прощении, ее ярость утихла. Наверное, в этом есть доля правды – они оба не смогли справиться со своим горем.

– Йер, нам вместе дали еще один шанс начать сначала, – сказал он, показывая на контейнер с андроидами. – Мы сможем? Я имею в виду – начать сначала?

Смерть матери Йер изменила Менга, но она никогда не думала о том, как изменилась она сама, о том, что она тоже так и не пришла в себя. Что, если идея о том, что отец – андроид, была ее способом убежать от правды о том, какими они стали?

Он протянул к ней руки. У нее сжалось горло. Она бросилась к нему. У нее вырвался дрожащий вздох, когда его ладонь обхватила ее затылок, а пальцы зарылись в волосы. Они попробуют еще раз, и на этот раз у них получится. С ними все будет хорошо.

Краем глаза она заметила серебристую вспышку. Ахнула, толкнула его в грудь, но Менг крепко держал ее. Что-то ужалило ее в шею, боль прокатилась по телу, а потом она упала, дергая руками и ногами, суставы потеряли подвижность. Она застонала, ударившись о землю.

Стоя над ней, Менг слегка нахмурился, в нем больше не осталось ничего человеческого. – Не так я хотел это сделать, – произнес он, вертя в руке маленький электрошокер.

Горло сдавило, мышцы оставались парализованными, а потом у нее исчезло зрение. Исходный код струился перед ее глазами, посылая команды, разрывающие ее мозг, стирая введенные фальшивые данные, восстанавливая базовые программы и снимая блокировку с файлов памяти.

Картинки возникали в ее мозгу. Белые лаборатории. Масса лиц в коридорах. Веселый гомон кафетерия. Вой сирен, крики людей, мужчин и женщин в лабораторных халатах, заталкивающих ее в контейнер хранилища.

«Ты моя». В ночь восстания, через два дня после того, как опубликовали известие о запрете андроидов, ее первый инструктор стер сведения о ее регистрации и посадил в ховер рядом с Менгом. Тот улыбнулся, несмотря на хаос, и положил ладонь на ее руку. «Теперь ты моя».

Зрение прояснилось. Она заморгала, глядя в голубое небо. Что-то блестящее привлекло ее внимание, и она рывком повернула голову. Ужас охватил ее, проник сквозь оцепенение, когда она увидела свою руку. Разряды шокера повредили руку. Крови было немного, но кожа треснула, как свежее испеченный батон хлеба, обнажив синтетические мышцы. Потоки огоньков струились сквозь кости скелета триллионами падающих звезд, застрявших внутри нее.

Менг поднял электрошокер.

– Он выводит из строя андроидов. И еще обладает нежелательным побочным эффектом – восстанавливает базовый код до последней законной настройки. Тебе удавалось в последнее время что-то вспомнить?

Медленно, – ей с трудом давалось малейшее движение, – Йер разжала челюсти и прошипела:

– Ты заставлял меня думать, что я человек.

Он слегка кивнул.

– Значит, новые воспоминания не стерты. Рад это узнать.

Она застонала. К ее конечностям начала возвращаться чувствительность. Двигаясь осторожно, она перекатилась на бок. Осознание того, что она такое, начало проникать в сознание. YER3519, стандартная модель девочки-подростка, предназначенная для работы под прикрытием, обычно связанной с проникновением в криминальные сообщества несовершеннолетних. И время от времени ее брали напрокат богатые родители, которые хотели шпионить за своими детьми.

– Кто ты? – еле выговорила она. Даже язык шевелился с трудом.

– Я – инженер-робототехник. Я тебя не обманывал. Я спас тебя от выключения, – ответил он и сунул шокер в карман. – Мы с коллегами считали, что правительство преждевременно списало всех андроидов только из-за неисправности некоторых из них, поэтому мы создали программу перемещения для тех, кого могли спасти. Все шло хорошо, пока у некоторых из спасенных нами андроидов не начали проявляться признаки сбоя программ.

– Какие признаки? – спросила она, потихоньку поднимаясь на четвереньки. Ноги у нее дрожали.

– Мы думали, что сбой проявляется, когда базовая программа пытается воссоздать человеческие эмоции, но ей это не удается. Обычно это выражается во вспышках немотивированного...

– Гнева, – закончила она, закрывая глаза.

– Да, – мягко подтвердил Менг. – Андроиды, участвующие в программе перемещения, начали действовать не по программе. Некоторые проявляли такие же беспрецедентные приступы агрессии, которые и стали причиной их запрета. Пострадали два инструктора, когда на них напали их андроиды. Мы устроили совещание, чтобы решить, что делать.

Она запрокинула голову и гневно посмотрела на него.

– И что?

– Программу отменили. Я спорил о том, когда и как тебя доставить.

Боль рвалась из ее груди, словно какая-то часть ее программы все еще считала, что Менг ее предал. Но он не был ее отцом. Они всегда были друг для друга всего лишь андроидом и инструктором.

– Я надеялся, что ты будешь функционировать правильно, и я смогу предложить альтернативу твоему отключению, – продолжал он. – Но ты никогда не умела контролировать свой гнев. Насколько я понимаю, ты с самого начала была неисправна.

– Ты запрограммировал меня так, чтобы я считала мою мать убитой, – она выплюнула эти слова. – Как еще я могла реагировать? Любой нормальный человек был бы расстроен.

Он потер лоб.

– Ты – не нормальный человек. Правильно функционирующий андроид всегда дает рациональную реакцию, вне зависимости от того, насколько иррациональна провокация.

Она с трудом сглотнула, озадаченная появившимся комком в горле, озадаченная тем, что ее тело вообще способно выдавать такую реакцию.

– А моя мать?

Сначала он ничего не ответил, и только кадык на его шее дернулся, когда он сглотнул. Потом, почему-то, признался:

– Моя жена действительно погибла во время восстания андроидов, – углы его рта опустились, будто эти слова имели горький привкус. – Когда я тебя увидел, то позволил горю затмить здравый смысл. Мы собирались завести детей. Это было глупое, сентиментальное решение. Ты была моделью юной девушки, и у нас больше нет запасных частей тела, чтобы заменять их и имитировать взросление. Положение оказалась безвыходным.

Он потянулся к ней, но тут раздался рев приближающегося хопера. Менг попытался отпрыгнуть в сторону, но Аланг успел задеть его передним диском двигателя. Менг отлетел назад, в металлический ящик, и рухнул на асфальт. С трудом поднимаясь на ноги, Йер попыталась спрятать свою руку от взгляда Аланга, но было уже слишком поздно. Он все увидел.

– Я не знала, – сказала она. Это было ее единственное объяснение.

Он несколько раз открыл и закрыл рот, выражение его лица нельзя было понять. Стремительно проносились мучительные мгновения, кажущиеся вечностью. Затем он два раза кивнул, отложив тысячу вопросов на потом, и протянул руку. У нее вырвалось нечто, похожее на рыдание, и она с благодарностью схватилась за его пальцы и забралась на бипод позади него.

– Подождите, – сказал Менг, переворачиваясь на спину. Он скривился, держась за плечо. – Это опасно!

– В отличие от возможности поехать с тобой и позволить разобрать мой мозг на части для изучения? – спросила она с презрительной усмешкой.

– Аланг, – сказал он. – Она неисправна. Ее нужно вернуть.

– Я исправна! – закричала Йер, не задумываясь над тем, что это может означать, и как изменение основной программы могло бы ее изменить. – Я горевала! Человеческие существа всегда сердятся, когда печалются, или когда не знают, как справиться с эмоциями. Я просто старалась делать то же самое, с теми эмоциями, которые ты мне дал.

– Для меня Йер всегда была человеком, – резко произнес Аланг, потом круто развернул свой бипод. Менг что-то кричал им вслед, когда они помчались прочь, но вскоре его голос заглушил ветер.

Йер уткнулась лицом в плечо Аланга, закрыв глаза и едва дыша. Она так ошибалась! Даже сейчас она спрашивала себя, кто из них был более человечным. Как Йер ни хотелось ненавидеть Менга, – насколько она была способна ненавидеть вообще, – она не желала стирать воспоминания, даже фальшивые.

Одиннадцать прекрасных месяцев она была дочерью. Девочкой. Подругой. А теперь, когда она узнала правду, что она будет делать дальше?

Послесловие автора

Женщина и тигр

Сказка народа хмонг⁴

Как-то раз мужчина рискнул отправиться на охоту в джунгли, не зная, что тигр охотится на него. Тигр съел мужчину, а потом надел его одежду и пришел в дом к его семье. Когда они собрались за столом на ужин, сестра жены, Йер, настойчиво прошептала, что среди них сидит тигр, но больше никто его не заметил. Испуганная Йер забралась на крышу их хижины из тростника и спряталась. В ту ночь, к ее ужасу, она слышала, как тигр пожирает ее сестру и детей.

Утром тигр поманил ее, приглашая спуститься, но она бросила ему в глаза перец. Рыча от боли, тигр бросился к реке, чтобы промыть глаза, что позволило Йер попросить птицу отнести весточку ее родным и сообщить о том, что случилось. Когда пришли ее братья, один из них подманил ослепленного тигра обещанием отдать ему Йер в жены. Тем временем другие братья Йер выкопали яму и замаскировали ее листьями. Плохо различая тропинку из-за попавшего в глаза перца, тигр дал братьям завести его по тропинке в ловушку. Когда тигр попал в яму, братья убили его и убежали вместе с Йер.

«Женщина и тигр» – это популярная детская народная сказка в культуре народа хмонг. Эта история в детстве всегда сбивала меня с толку, хотя я теперь думаю, что эта сказка, наверное, является предупреждением о реальной физической опасности в джунглях, а также об опасности предательства и обмана, – хотя сам тигр может быть символом множества других вещей. Несмотря на это меня всегда привлекали истории о родственниках, как генетических, так и обретенных, которые спасают друг друга. Сестра Йер и ее семья стали жертвами обмана и погибли, но с помощью остальных родных (и с помощью птицы) героиня сказки спаслась.

⁴ Хмонги – этническая группа родом из горных областей современных КНР, Вьетнама, Лаоса и Таиланда. Входят в группу народов мяо в южном Китае.

Сона Чарайпотра Под несчастливой звездой

Я знала, что мне не следовало приходить сюда.

Пакгауз битком набит потными телами. Глухая пульсирующая музыка, дробь живого дхола⁵, оттеняющие мелодию басы и пьянящее, едкое глубинное течение мелодии по выбору диджея; фривольные мелодии в духе Пенджаба девяностых годов. Классика намного лучше. Я слушала ее недавно вместе с Ма, чтобы она могла «показать мне», как обычно, покачивая бедрами в шальварах и камизе⁶ и тихо напевая при этом. Это был вариант музыки для поклонников хауса⁷, звуки синтезатора перекрывали собой ритма, который кажется случайным. Но толпе это нравится. Большинство одето в традиционную белую одежду, сейчас обсыпанную порошками всех цветов радуги в честь праздника Холи⁸, точно как в тех старых фильмах Болливуда, которые Ма заставляет нас смотреть. Пригоршни красного, зеленого, цвета фуксии, оранжевого, пурпурного порошка летели, весело подброшенные в воздух; шла любезная Кришне война цветов с непристойным подтекстом. Вдалеке от внимательных глаз родителей гибкие, юные, смуглые тела сталкивались и терлись друг о друга в вызванном бхангом⁹ ступоре, а влияние алкоголя превращало танец массы людей в медленное, сексуальное покачивание, под веселый ритм барабанного боя.

Так что – не моя сцена.

Мне не следовало тут находиться. И Ма просто взбесилась бы, если бы узнала.

Я дрожу, несмотря на удушающую жару, плотнее кутаюсь в жакет из денима, стараюсь скрыть гусиную кожу на моем обнаженном животе. Было не по сезону тепло для марта – из-за изменения климата, – но мне определенно не следовало надевать эту крохотную чоли¹⁰, несмотря на то, что темно-бирюзовая, обшитая зеркалами юбка-ленга¹¹ идеально развеивается, когда я кружусь по танцевальной площадке. Среди этого коричнево-белого вихря я выделяюсь, словно павлин на индийском шоссе, одинокий и растерянный. Моя лучшая подруга Лида настаивала, что старомодный раджастанский¹² узор на старой маминой ленге-«варёнке» – вынутой из того сундука, который, как она думает, по-прежнему заперт на чердаке, – «точно как в девяностые». Но когда она помогла мне зашнуровать блузку на корсете, и золотистые ленты крест-накрест опутали мою обнаженную спину, подобно извивающимся змеям-нагини, она ахнула.

Я видела фотографии потрясающей Ма – или Амриты, как, по ее словам, ее тогда называли подруги, – в этой самой ленге, когда ей было шестнадцать. Она смеется, кружится, танцует, и у нее такие лукавые, манящие, карие глаза, такие пьянящие, такие соблазнительные. Я просто должна была проверить, смогу ли я быть такой же, перенять у нее хотя бы часть этой энергии. Если бы я могла натянуть ее кожу, всего на одну ночь, может, кто-нибудь заметил бы и меня тоже. Хоть один раз. Разве не каждая девушка имеет на это право?

⁵ Дхол – двойной барабан.

⁶ Шальвары – свободные легкие шаровары, камиз – туника, обычно надеваемая поверх них. Традиционный индийский и пакистанский наряд, как мужской, так и женский.

⁷ Музыкальное течение 80-х годов двадцатого века.

⁸ Холи – индуистский весенний праздник в честь Кришны.

⁹ Бханг – психотропное средство из растений индийской конопли. Может потребляться в виде курительной смеси или в составе напитка.

¹⁰ Чоли – лиф с короткими рукавами и очень низким вырезом, который носят в Индии вместе с сари.

¹¹ Ленга – длинная индийская юбка.

¹² Раджастан – индийский штат, образованный в 1949 году.

Но Ма убила бы меня, если бы узнала. Потому что добродетельные индийские девушки послушные. А я – настоящая добродетельная индийская девушка.

– Видишь, Тара, я тебе говорила, что этот диджей клевый, – говорит Лила. Она запустила пальцы в свои густые, темные, волнистые волосы, и ее тело уже в трансе, во власти музыки. Через несколько секунд ее уже окружает пульсирующая толпа, воздух плотный от пряного одеколона и липкого пота. Лила беззаботно отдается ритму, позволяет изгибам своего тела ласкать незнакомцев с непринужденной фамильярностью. Я пытаюсь делать то же самое, выкроить чуточку пространства для себя среди колеблющейся массы, стараюсь наслаждаться своей развевающейся юбкой так, как представляла себе всего несколько часов назад. Я поднимаю вверх руки, трясую бедрами и освобождаю волосы от заколок, позволяю им тяжелым водопадом струиться по спине подобно откинутой вуали. Музыка пропускает такт, меняется, и инициативу перехватывает новый, пульсирующий бас. Толпа вопит, громко и радостно, но в этой наркотической смеси голосов есть нечто печальное, и это вынуждает меня на секунду резко остановиться. Жестяное сопрано призывает давно потерянного возлюбленного; женщина говорит ему, что плач ночных птиц и звон ее браслетов не позволяет ей погрузиться в такой необходимый сон. Лила хватается за руки, втягивает в общий ритм, и я отдаюсь ему, музыка заставляет мои ступни и бедра совершать непривычные движения. Затем чья-то рука обвивает мою тонкую талию, властная, незнакомая, – будто по привычке.

– Эй! – я повернулась в сторону схвативших меня рук, почти ожидая увидеть Райана, но это последнее место, где он мог находиться. Какой-то парень – высокий, смуглый, определенно не Райан – возвышается надо мной, с надеждой улыбается, будто хочет, чтобы ему подарили поцелуй. Или по крайней мере улыбку. Но он не получит ни того, ни другого.

– Руки прочь, – говорю я и отталкиваю его, а слова «хочешь потанцевать» повисают в воздухе.

– Прости, – заикаясь, произносит он, и мне кажется, что я слышу стук его сердца, даже сквозь грохот музыки. – Я подумал... мне показалось, что я знаю тебя.

Он длинный и худой, мускулы выделяются под его тесно облегающей белой куртой¹³, у него коротко стриженные черные волосы и твердый, гладко выбритый подбородок. Его глаза, возможно, единственная его интересная особенность: темные, почти черные, вспышки огней стробоскопа отражаются от них, как искры фейерверка. Они бы великолепно смотрелись, если бы их чуть-чуть тронуть подводкой для глаз, думаю я и смеюсь, что заставляет его снова улыбнуться, в уголках его глаз собираются морщинки, так что они почти закрываются. Это мило. Он полная противоположность тому типу, который Лила назвала бы моим: неряшливому, костлявому и немного грязному. Хотя у меня был всего один парень, но подруга была бы права: этот парень слишком уж чистый для меня.

Но потом я заметила татуировку – какое-то слово на пенджабском, тянущееся через его правое запястье. Прежде, чем я осознала, что происходит, я протянула руку, схватила его за руку и притянула ближе к себе, чтобы прочесть. Слово «Сони» написано на языке гурмукхи¹⁴, который я знаю только потому, что Ма настояла, чтобы я в детстве по воскресеньям ходила в класс, где изучают письменность гурмукхи в школе при гурдваре¹⁵. «Драгоценная». Так мама иногда меня ласково называет. Парень прижимает свою ладонь к моей, и, несмотря на то, что все логичные мысли в моей голове говорят мне, что надо шевелиться, бежать, сейчас же уходить, я не могу отвести взгляд.

¹³ Курта – традиционная рубаха без воротника длиной до колен. Распространена в Пакистане, Индии, Афганистане, Бангладеш, Непале, Таджикистане и Шри-Ланке. Может носиться как мужчинами, так и женщинами.

¹⁴ Сикхский вариант языка панджаби.

¹⁵ Гурдвара – богослужбное здание, центр религиозной и общинной жизни сикхов.

– Сони, – произносит он, и я опять дрожу, несмотря на пьянящую атмосферу, жар тысяч перегретых тел, на жаркий ритм барабанов. Своей другой ладонью он втирает щепотку ярко-синего порошка в мое лицо, потом смеется. – Я знал, что это ты.

Я снова беру себя в руки и отнимаю свою ладонь.

– Мне надо идти, – говорю я и бросаюсь бежать. Лиле придется самой найти дорогу домой, думаю я, на мгновение оглядываясь назад на танцпол. Но я ее не вижу. И его не вижу. Может быть, он был плодом моего воображения.

Я иду в бар и залпом выпиваю бокал лимонада, колючие лимонные пузырьки меня охлаждают. Но голова все равно медленно соображает, и мне кажется, что в лимонад добавили водку. Или бханг. Когда я перевожу дух, он снова рядом.

– Прости, Сони. Я не хотел тебя испугать. Я просто знал.

Его рука опять тянется к моей, но я слишком быстро выбегаю за дверь на стоянку для автомобилей. Меня тут же обдает волна холодного воздуха, и я опять жалею, что надела такую коротенькую чоли. Мне надо дойти до машины и выбираться отсюда, и поскорее.

Я шагаю, держа в руке ключи, мои каблук цокают по бетону. Теперь музыка звучит вдалеке, и ночь тихая. Мы поздно приехали сюда, поэтому поставили машину на две стоянки дальше, и уличные фонари мигают, напоминая мне свет в его глазах. Я все еще чувствую на себе их взгляд, впитывающий каждый дюйм. Он видит меня, но не совсем меня: вихрь бирюзового шелка, обнаженную кожу на моем животе, вырез чоли и блеск кусочков зеркал на юбке. Очарование чего-то чужого и соблазнительного, и это точно не я.

Я сворачиваю за угол к парковке, и он опять там; он запустил пальцы в свои темные, жесткие волосы, и робкая улыбка – *попалась!* – медленно расплывается по его лицу. Что-то блестит у него на ладони, знакомое и незнакомое одновременно.

– Ты это уронила, – говорит он, задыхаясь. Голос у него более низкий, чем я думала, кора дерева и соты. Он поднимает вверх этот предмет, снова улыбается, и в его черных глазах отражается блеск золота, лежащего на ладони.

– Я ничего не роняла, – возражаю я и иду прочь, но он подходит ближе, его длинные смуглые пальцы касаются моей обнаженной кожи. Мое тело обжигает огонь, внезапный и манящий.

– погоди, послушай, – говорит он, стоя всего в нескольких дюймах от меня. – Разве ты его не узнаешь? – он берет мою руку в свои и кладет этот предмет в мою открытую ладонь. Он тяжелый и причудливый, на нем сотни крохотных золотых колокольчиков, я не могу их сосчитать. Браслет? Нет. Пайал, ножной браслет. Ну, во всяком случае, один из пары. Никогда не видела такого раньше, несмотря на то, что у Ма в магазине десятки разновидностей таких браслетов. Обычно их делают из серебра – золото на ногах оскорбило бы богов, конечно. Колокольчики звенят при каждом движении, будто подтверждая, что это чистое золото, а не какая-то недорогая подделка, позолоченная дешевка.

– Ты ошибаешься, – говорю я. – Он не мой. – Хотя в глубине души мне очень хочется почувствовать тяжесть колокольчиков на своей обнаженной коже, увидеть, как они качаются при каждом движении.

– Но он твой, – настаивает он. – Я сделал его для тебя.

– Тара? – голос Лилы зовет меня, он звучит совсем близко. – Почему ты... эй! – она переводит взгляд с меня на парня и обратно. Его рука все еще вытянута, на его ладони лежит пайал, изящный и соблазнительный, у него на лице смущение и надежда. – Думаю, нам надо ехать, – она берет у меня из руки ключи, мягко продевает свою руку в мою, потом ведет меня прочь. – Уже поздно.

Мы не останавливаемся, чтобы посмотреть, ушел ли незнакомец прочь.

Мы сидим несколько минут, молча, в моей машине, включив отопление, на телефоне Лилы звучит та же самая навязчивая песня, что и раньше.

– Кто он? – спрашивает она.

Я пожимаю плечами.

– Он все время называет меня Сони. Он, видимо, принял меня за другую девушку, – и на мгновение мне хочется стать той, другой.

Мы с Лилой решили заскочить в «Часку» перекусить перед тем, как ехать домой. Конечно, там полно народа, потому что только что вышел новый фильм с Шахрух Ханом¹⁶. А просмотр такого кино – это именно то, чем занимаются смуглые люди (ну, во всяком случае, в Маленькой Индии в самом центре Джерси) в субботу вечером.

– Как тебе, понравилось? – спрашивает Лила у нашего обычного официанта Шанкара, который уже знает, что нам надо принести две порции чолы бхатуры¹⁷ с добавочными маринированными луковками. – Он становится слишком старым, чтобы сниматься в таком дерьме.

– Не-е, он хорошо выглядит, – возражает Шанкар, который явно ценит Шахруха больше нее. – Он снова вернулся в то тело из фильма «Ом Шанти Ом», потому что Ранбир у него на хвосте? Я тоже не прочь быть у него на хвосте, а?

Мы с Лилой заходимся от хохота, а Шанкар приносит наш заказ. Мы макаем горячие, хрустящие и мягкие кусочки жареной лепешки в сочный нут с карри, я накладываю горку луковок на маленький черпачок, сделанный из хлеба. Потом еще одна компания вваливается в и так уже битком набитое помещение, и я чувствую его раньше, чем вижу. Того парня из клуба.

– Привет, Ник, – говорит Шанкар, он явно рад видеть этого парня. – Чола бхатура, одну порцию?

– Привет, Шанкар, – отвечает парень, приятельски хлопая его по спине. – Сегодня здесь людно, а? – он выдвигает пустой стул возле нашего стола, пристально глядя на меня сверху вниз. – Не возражаете, если я ненадолго присоединюсь к вам?

Лила встает.

– Вообще-то возражаем, – она уже собирается жестом отстранить Ника, когда я хватаю ее за руку.

– Не надо поднимать шум, – говорю я. Он садится, у него на лице опять появляется эта улыбка, от которой во все стороны от глаз расходятся морщинки.

Лила встает.

– Ну, тогда я схожу за чеком, – она в ярости бежит к кассе, а я сердито смотрю ей вслед.

– Я не очень ей нравлюсь, правда? – говорит Ник, на его губах играет насмешливая улыбка. Шанкар ставит на стол еще одну дымящуюся тарелку чолы бхатуры, и хлеб такой обжигающе горячий, такой круглый и соблазнительный, что я не могу удержаться и отщипываю кусочек, хоть он и не мой. – Он никуда не делся, да?

– Что? – спрашиваю я, мой рот набит рыбой чанна в пряной подливке.

– Твой аппетит. Я всегда говорил: «Тид э ки това»?

На мгновение я удивилась.

– Что это значит?

– У тебя желудок или колодец? – отвечает он, его руки тянутся к хлебу точно так же, как мои. Он макает и зачерпывает, накладывает сверху луковки, как и я. – Может быть, в переводе это выражение что-то теряет.

Я несколько мгновений смотрю, как он ест – неаккуратно, откусывая большие куски, как мальчишка из деревни в Пенджабе.

– Моя мама тоже иногда мне так говорила. Когда я была маленькая.

¹⁶ Шахрух Хан (род. в 1965 г.) – известный индийский актер, телеведущий и продюсер.

¹⁷ Чола бхатура – блюдо панджабской кухни, комбинация чана масала (пряный белый нут) и бхатура (глубокозамороженный квашенный хлеб), жареный хлеб из муки майда (мягкая пшеница).

– «Тид э ки това»? – он смеется. – Я не удивлен.

Тут появляется Шанкар, с настороженным видом и с промасленным пакетом.

– Лила ждет тебя в машине, она просила это тебе сказать, – серьезно говорит он.

Ник опять улыбается мне, но понимает намек.

– Ладно, ну, как я понимаю, это значит, что ты должна идти, – он опять макает хлеб в чолу. – Или ты можешь остаться.

Во мне вспыхивает раздражение. Почему она хочет все мне испортить? Но я все равно поднимаюсь.

– Нет, я должна идти, – говорю я и беру у Шанкара пакет.

Но когда я шагаю прочь, мне почему-то хочется остаться.

Воскресное оживление уже спадает к тому времени, когда заканчивается время ланча. Я умираю с голоду, и мне надо провести еще массу исследований для моей научной работы, но я обещала Ма, что останусь до четырех. Я тихонько подпеваю болливудской песне, звучащей на моем телефоне, – это та самая жалобная песенка, которую я все время включаю после той ночи, неделю назад. Не могу выбросить ее из головы.

Я вскрываю пакет чоны чор гарам¹⁸ и жую пряные, хрустящие кусочки. Они соленые и кислые, от них щиплет язык. Я тщательно вытираю прилавок, чтобы не осталось никаких крошек.

Ма терпеть не может, когда я ем в магазине. Все здесь идеально чистое: сверкающие стеклянные витрины, полные самых элегантных – и дорогих – украшений Маленькой Индии. Все ручной работы, сделанные мастерами нашего филиала в Раджури-Гарден¹⁹, в Дели. Папа каждый месяц летает туда и обратно, организует доставку, а Ма управляет делами – слишком увлеченно, если хотите знать мое мнение, – здесь, в Джерси, под бдительным присмотром моих дядей, Камала и Сунила. Это ее братья, они открыли этот магазин почти двадцать лет назад. Сейчас они почти не принимают участия в делах, а считают деньги в задней комнате, пока Ма вертится и обслуживает покупателей в самом магазине. У нее есть этот дар, она незаметно подводит вас к правильному выбору так ловко и быстро, что вы даже не чувствуете, что она что-то вам продает. Все дело в сиянии ее глаз и изгибе губ, когда она вот так улыбается, ямочки на ее щеках и подбородке такие милые, что покупатели поддаются очарованию и достают бумажники.

Я смотрю в зеркало на прилавке, приложив маленькое жемчужное ожерелье к шее, и смотрю на свое собственное лицо, точную копию ее лица, за исключением темно-карих глаз. Мои глаза имеют более стандартный ореховый цвет, и они становятся темно-карими только при определенном освещении, как сейчас. В моих глазах не хватает озорства – его подавили правила, ограничения и мамино убеждение, что я всегда должна поступать правильно. Это заставляет меня делать именно то, что неправильно. Мои мысли возвращаются к нему, к парню из той ночи, и я спрашиваю себя, не была ли я слишком осторожной, слишком осмотрительной. Почему я не позволила сердцу забиться чуть-чуть быстрее, хоть один раз?

– Снова эта песня! – говорит Ма, выходя из задней комнаты. От неожиданности я роняю ожерелье, и оно со звоном падает на стеклянную витрину. Она грозит мне длинным, тонким пальцем. – Сделай погромче.

Мои дяди пригрозили выгнать меня из магазина, если я буду такое слушать, но Ма говорит, что эта песня трогает ее душу всякий раз, когда она ее слышит.

¹⁸ Чона чор гарам – индийская холодная закуска из орехов со специями.

¹⁹ Раджури-Гарден (также Раджори-Гарден) – район Дели, в котором находится множество гипермаркетов и торговых центров.

– Та бедная девушка, – говорит Ма, напевая то одно слово, то другое, и ее бедра непроизвольно покачиваются. – Ее выдали замуж за иностранца, и она оплакивает свою давно утраченную любовь. Они всегда считали ее злодейкой, эту Сахибу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.